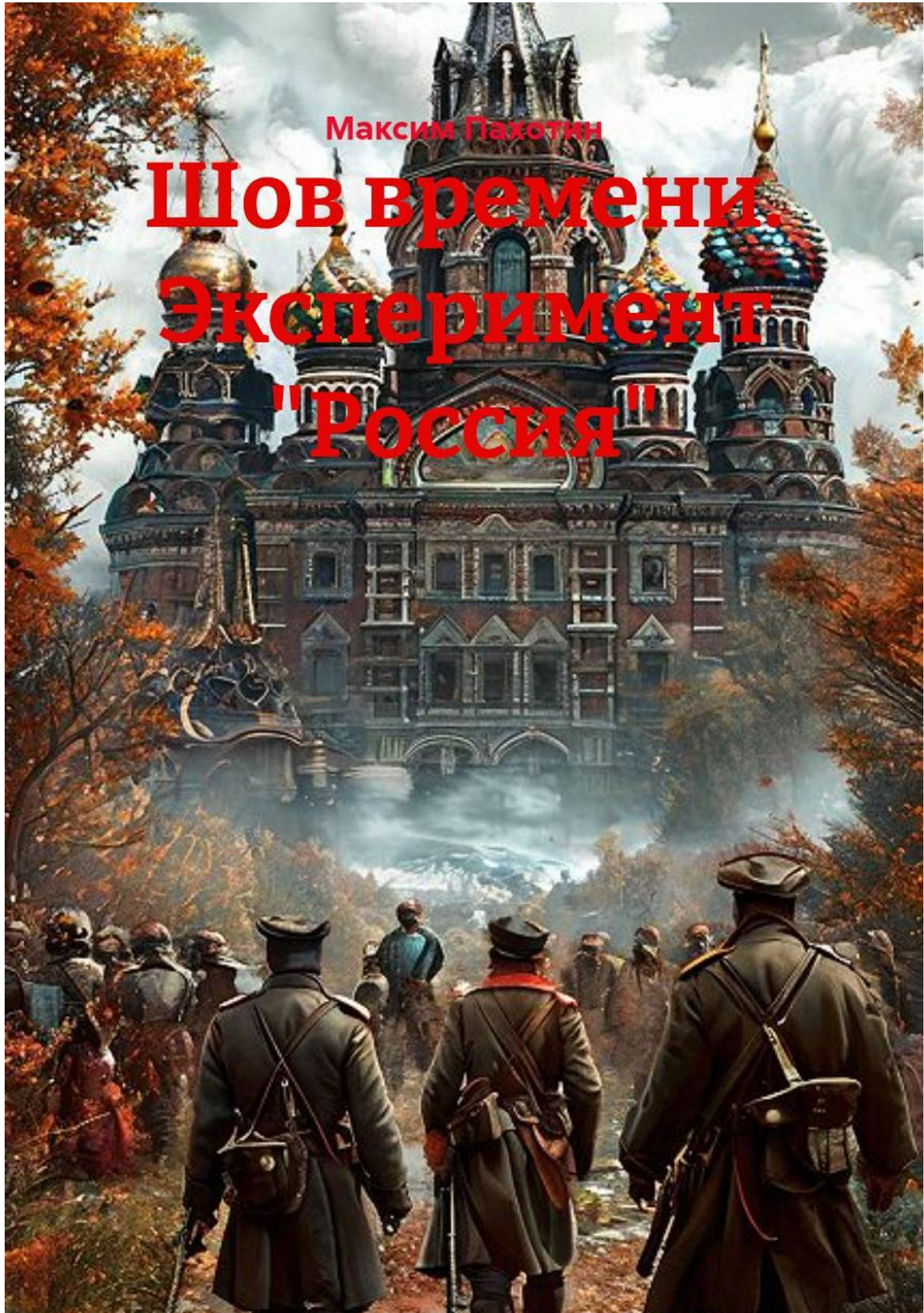

Максим Пахотин

Шов времени. Эксперимент "Россия"

Максим Пахотин

**Шов времени.
Эксперимент "Россия"**

«Автор»

2026

Пахотин М.

Шов времени. Эксперимент "Россия" / М. Пахотин — «Автор»,
2026

Две войны. Две эпохи. Одна тайна. Мультиверс стал полем боя. Группа Астахова, застрявшая в XVIII веке, разрывается между тоской по дому и долгом перед Российской Империей, увидевшей в них ключ к могуществу. На другом конце реальности комитет «Феникс» запускает отчаянную операцию: похищение гения из русского проекта «Зенит». Их оружие — больной ребёнок учёной, их инструмент — спящие ячейки на Кавказе. В Москве, получив неопровержимые доказательства бесчеловечных экспериментов Запада над параллельными мирами, принимают решение о принципиально новом уровне «симметричного ответа». Холодная война вышла за пределы одной реальности. Каждая сторона готова разорвать время, чтобы победить.

© Пахотин М., 2026

© Автор, 2026

Максим Пахотин

Шов времени. Эксперимент "Россия"

ПРОЛОГ. КРЕПОСТЬ МОЗДОК, ОСЕНЬ 1763 ГОДА

Степь осенью дышала не холодом, а самой материей забвения. Не тот ядреный морозец, что бодрит тело, а сырой, пронизывающий ветер с предгорий, будто сама история выдыхала на границе известного и невозможного. Он гулял меж свежесрубленных стен нового укрепления, завывая в щелях, еще не забитых паклей, и трепал пламя единственного фонаря на вышке – крохотный островок сознания в океане небытия.

Казак Евсей Кудинов, приставленный к ночному дозору, шурился, вглядываясь в темноту, растекавшуюся за частоколом. Руки задубели на прикладе старого, еще дедовского штуцера – оружия против плоти, а не против странностей бытия. Спину ломило. Стройка – не рубка, целый день таскали бревна, а теперь вот, краю света не видно. Крепости, как говорили, быть здесь – царская воля, чтоб границу от горских набегов держать. А пока что граница эта была грудой сырого дерева, глиной да двумя ротами солдат, тоскующих по настоящим хлебам, а не этой степной полынной дряни. *Граница, думал Евсей, она ведь не только между землями протекает. Она – в головах. Между тем, что можно понять, и тем, что понять нельзя, а только принять или отвергнуть с молитвой либо выстрелом.*

Он плюнул в темноту. Тоска зеленая, костная. Даже волки, обычно голос подававшие к ночи, сегодня молчали, будто притаились или сами стали частью этой давящей тишины. Не слышно было ни переключки часовых у редута, ни скрипа телег – все спали или дремали в своих сырых землянках, кроме таких вот несчастных, как он. Тишина была не пустой, а *насыщенной*, как перед грозой. Как будто само пространство затаило дыхание, и от этого беззвучия в ушах начинало звенеть.

Он уже собрался было завернуться в посконный плащ потуже, как глаза его, привыкшие к полумраку, уловили движение вдали. Не там, где должна быть дорога на Кизляр, а левее, в глухой степи, где лишь курганы да сухой ковыль – немые свидетели иных эпох, иных народов, растворившихся во времени. Земля там была *нехоженная*, и старики говаривали, что тропы в тех местах ведут не только по земле, но и куда-то ещё. Евсей всегда отмахивался от этих рассказней, но сейчас, в гнетущей тишине, они вспомнились с неприятной ясностью.

Сначала ему почудился огонек. Один, крохотный, как звезда, упавшая на землю и не погасшая. Евсей протер глаза, решив, что это от усталости и ветра. Но огонек не исчез. Наоборот, он стал расти, расползаться по земле холодным, синеватым сиянием, будто пролилась луна, да не с неба, а из-под самых корней ковыля – из тех самых нездешних мест, о которых старики шептались у костра, пугая молодых. *Не наша это земля, мелькнуло у него в голове, и мысль эта была не абстрактной, а физической, как удар под дых. Здесь тропы иные протекают. И они сейчас открываются.*

Потом из этого пятна света вырвался столб. Вертикальный, ровный, как натянутая струна между мирами. Он был неярким, скорее, сгустком дрожащего марева, искажавшего очертания звезд за ним, будто те плавились и стекали вниз. Воздух затрепетал, хотя ветер словно вымер совсем. По спине Евсея пробежал холодный иголистый пот, не имевший ничего общего с осенним холодом. Это был страх иного рода – не перед зверем или врагом, а перед *нарушением*. Перед тем, что рушит привычный порядок вещей, вносит диссонанс в самую основу мироздания. Перед геометрией, которой не должно быть.

– Святители... – прошептал он, крестясь одной рукой, другая судорожно сжала штуцер. Но против чего было стрелять? Против видения? Против самой пустоты, которая вдруг стала плотной и чужой?

Столб света пульсировал, а вокруг него, медленно, с неземным изяществом, начали закручиваться спирали более густого свечения. Они были похожи на те воронки, что вода в омуте делает, только из света и пустоты. Тишину расколол звук – низкий, на грани слышимого, гул, от которого заныли зубы и задрожала земля под ногами. Со сторожевой вышки сорвалась и полетела вниз горсть щепы – ничтожный след материального мира в столкновении с чем-то запредельным.

В крепости зашевелились. Послышались испуганные голоса, лай собак, забившихся в конуры. На бревенчатый накат выбежал полуодетый офицер – молодой поручик, комендантский адъютант, лицо его было бледным от сна и внезапного страха.

– Кудинов! Ты чего, черт, орешь?! – крикнул он, но голос его сорвался, когда он сам увидел то, что творилось в степи. Он замер, и Евсей увидел в его глазах то же самое, что чувствовал сам: растерянность разума перед тем, для чего у разума нет ни слов, ни понятий. Перед воплощённым кошмаром из сказок, который вдруг стал явью.

Световой столб достиг пика, вспыхнул на мгновение ослепительно-белым, выхватив из тьмы на многие версты вокруг перелески, холмы и стадо испуганных сайгаков, метнувшихся прочь – живые существа, инстинктивно бегущие от аномалии. А затем – схлопнулся. Не погас, а именно схлопнулся, втянувшись в себя, как паутина, и на его месте осталось лишь слабое, фосфоресцирующее пятно на земле, да легкий дымок, или пар, поднимавшийся к небу. Словно рана на теле реальности, которая медленно затягивалась, оставив после себя шрам.

Тишина вернулась. Но теперь это была другая тишина – настороженная, полная ужаса и немного вопроса, повисшего в ледяном воздухе.

– Что это было? Молния? Шаровая? – спросил поручик осипшим голосом, не отрывая глаз от темноты. Он цеплялся за простое объяснение, как утопающий за соломинку, но в тоне слышалось, что он и сам не верит.

Евсей молчал. Он смотрел туда, где погасло странное сияние. Казачий дед, старый кавказец, говаривал ему в детстве: «Есть в степи места худые, не наши. Там земля под ногами не та, память у неё дурная. Там и днем-то духи старины бродят, а уж ночью... там сама ткань мира тоньше. Может треснуть. Может раскрыться. Может плотнеть». Он всегда считал это сказками, красивыми и страшными, но всего лишь сказками, метафорой опасной местности. Теперь же он понимал: сказки – это не выдумки, а иная форма знания, предупреждение, зашифрованное в миф. Дед говорил не о духах, а о *свойствах* самой местности. О точках, где мир не сшит накрепко. И эта точка, в двух верстах от нового частокола, только что доказала свою природу.

Он не верил в духов. Но сейчас, чувствуя, как сердце колотится о ребра, Евсей вдруг *узнал* это ощущение – незнакомое и древнее одновременно. Земля показала свою пасть. И она закрылась. Но ненадолго. Где-то в глубине души, в том месте, где живет звериное чутье, он *знал* – что-то изменилось. Не просто в степи. В самом порядке вещей. Какая-то скрепа ослабла, какая-то дверь, которой не должно было быть, приоткрылась, впустив внутрь... что? Холод? Или взгляд? Что-то пришло. Или открыло дверь. Или просто дало знать о своем существовании, и теперь это знание висело в воздухе, как обещание или угроза.

– Не молния, ваше благородие, – наконец хрипло выговорил Евсей, не отводя взгляда от черного пятна степи, где таилось теперь это знание. – И не шаровая. Не наше это ничего... Не наше. Наше – это мушкет, это вал, это приказ. А то... то – из другого угла вселенной. Или из самого её подполья.

А над степью, скрывая следы чуда, медленно и равнодушно плыли к утру холодные звезды восемнадцатого века. Они – свидетели миллиардов лет – видели рождение и гибель миров. Они еще не знали, что за их немой ходом уже наблюдают не только суеверные казаки. Что их холодный, немой свет уже ловят и анализируют приборы, которых нет и не может быть в этом веке. Что сама линия времени, прямая и неумолимая, только что дрогнула, получив едва заметную, но уже исчезающую трещину. Первый шов между эпохами был наложен.

ГЛАВА 1: ПОДЗЕМНЫЙ «ЗЕНИТ»

Доктор физико-математических наук Дмитрий Гордеев ненавидел лифты в «Зените» с тихой, принципиальной ненавистью мыслителя к абсурду. Не сами по себе – они были бесшумными, стремительными и просторными, образцом инженерной мысли, – а тот сюрреализм, который они воплощали. Ты заходишь в кабину на уровне -2, среди белых коридоров, пахнущих озоном и стерильностью, нажимаешь кнопку «-5». И за сорок секунд плавного спуска твое сознание должно было переключиться с мира субатомных частиц и квантовых полей, с безумных красот многомерных уравнений, на... на мир бассейна, сауны и запаха жареного мяса из столовой. С мира, где рождаются гипотезы о природе реальности, в мир, где главной проблемой являлась нехватка свежих фруктов в рационе. *Интеллектуальная шизофрения*, – думал он, сжимая в кармане лабораторного халата ключ-карту, – *запланированная и утвержденная где-то в высоких кабинетах. Как будто мозг – это мотор, который можно включать и выключать по расписанию. И как будто идеи, способные перевернуть мир, могут рождаться между сеансом в сауне и просмотром сериала.*

Лифт мягко остановился, двери раздвинулись беззвучно. Перед Гордеевым открылся атриум уровня «Дельта», он же – жилая и рекреационная зона. Под высокими, стилизованными под своды пещеры потолками, в которых были встроены панели, имитирующие дневной свет (и имитировавшие плохо, фальшиво, что раздражало еще больше – синий спектр был смещён, тени лежали не так), зеленели настоящие пальмы в кадках. Где-то вдалеке плескалась вода бассейна. Слышались приглушенные голоса, смех. Кто-то играл в настольный теннис. Картинка благополучного курорта, вырезанная и вставленная в толщу сибирского гранита. *Корабль поколений, прикованный к причалу*, – мысленно продолжил он свою мысль, направляясь к своему сектору. *Экипаж готовится к полету в никуда – в пустоту квантового вакуума, – развлекая себя симуляцией нормальной жизни. А что такое нормальная жизнь для человека, который дергает за нитки пространства-времени? Который завтра будет пытаться калибровать поле Хиггса ударом лазерного молотка?*

Он был здесь всего три недели, но уже чувствовал этот раздражающий диссонанс, эту *фальшь*. Пять этажей вглубь гранита, сотни тонн бетона и стали, самый мощный на востоке страны лазерный комплекс, криогенные установки, способные охладить материю до милликельвинов, до самого порога квантового тишины, – и все это для того, чтобы в перерыве между попытками услышать шепот вакуума люди могли париться в сауне и смотреть последние блокбастеры в кинозале с Dolby Atmos. Его размышления прервал резкий, четкий голос, лишенный каких-либо интонаций, голос функционального механизма в человеческой оболочке:

– Документы.

Прямо перед ним, как будто вырастая из тени колонны, встал человек в темно-синей униформе службы безопасности комплекса. Нашивка на груди: «Орлов А.С.». Лицо – высеченное из камня, с холодными, оценивающими глазами, которые скользнули по пропуску на груди Дмитрия, а затем задержались на его лице, словно считывая не только данные, но и потенциальный индекс угрозы, уровень усталости, степень рассеянности. В руке у охранника был планшет, но он им не пользовался, полагаясь, видимо, на память – или на инстинкт, отточенный в других, более жестких местах.

Гордеев, слегка вздрогнув, поднял пропуск. Орлов кивнул, но не отошел. Его фигура продолжала блокировать путь, не агрессивно, а просто по факту своего существования, как скала.

– Вы не по маршруту, доктор Гордеев. Ваш лабораторный блок – на минус четвертом. Жилой сектор – «Альфа», корпус Б. Вы в секторе «Гамма».

– Я знаю, – Дмитрий сдержал раздражение, почувствовав себя школьником, пойманным за прогулом. – Иду в библиотеку. В «Альфе» нет нужных мне журналов. Физические обзоры за 80-е.

– Библиотека в секторе «Гамма» закрывается на профилактику через двадцать минут, – отчеканил Орлов. Его взгляд, казалось, сканировал не только пропуск, но и состояние собеседника: бледность от недосыпа, легкий тремор в пальцах от перегруза кофеином и адреналином перед завтрашним экспериментом – все это было данными для внутреннего досье. Для таких, как Орлов, человек был набором параметров, а не личностью. Параметры могли быть стабильными или отклоняющимися. Гордеев был отклонением.

– Тогда мне стоит поторопиться, верно? – парировал Гордеев, пытаясь пройти, ощущая глупое желание доказать свою правоту этому каменному истукану.

Орлов сделал полшага в сторону, открывая путь, но его осанка – прямая, негнувшаяся спина, жестко опущенные плечи – все еще создавала невидимый барьер, силовое поле служебного рвения.

– Советую не задерживаться. После отбоя перемещения между секторами требуют санкции дежурного. Даже для докторов наук. Правила написаны не просто так.

В его голосе не было неуважения. Была констатация факта, холодная и неоспоримая, как закон термодинамики. Для таких, как Орлов, правила, вероятно, и были главными законами мироздания в «Зените». И если законы природы еще можно было оспорить экспериментом, то внутренний распорядок – нет. Это была его религия, его опора в этом безумном подземном мире, кишашем гениями, готовыми взорвать реальность.

Библиотека оказалась оазисом тишины, но тишины особой – настоящей на пыли знаний и мерцании экранов. Современные терминалы соседствовали с рядами старых бумажных книг по теоретической физике – пожелтевшими, пахнущими временем, наследием советской школы, ради которой, как горько шутили, все это и строилось. *Чтобы сохранить остатки той интеллектуальной мощи, что когда-то рвалась к звездам, а теперь довольствуется рытьем нор в граните*, – подумал Гордеев, находя нужный сборник тезисов. Он искал одну работу – статью полузабытого теоретика конца 70-х о «топологических особенностях вакуума в сильных полях». Мысли Махницкого о калибровке поля Хиггса имели под собой именно эти корни. Но сосредоточиться не мог. В голове вертелись уравнения предстоящего эксперимента, условно названного «Колыбель». Слишком красивое, слишком человеческое название для машины, предназначенной рвать ткань реальности. *Мы не рвем. Мы... перетягиваем. Перекалибровываем. Или пытаемся*, – поправил он себя мысленно. И лицо этого охранника, Орлова. В его взгляде была та же настороженность, что и у казака из сна Гордеева прошлой ночью.

Сон был странным, мучительным, навязанным, должно быть, историческим романом, взятым с полки, и общим стрессом. Снилось не просто степь и костры. Снилось чувство, что за тобой пристально наблюдают из темноты не просто глаза, а *взгляд из другого времени*. Взгляд не враждебный, а изучающий, недоуменный, как будто *они* видели в нём такое же необъяснимое чудо. И теперь этот взгляд, очищенный от метафоры, воплотился в лице охранника. *Что он охраняет? Нас от внешнего мира? Или мир от нас? От того, что мы можем узнать и натворить в своих попытках стать демиургами?* Скептицизм боролся в нём с азартом. А что, если они и правда на пороге? Завтра всё покажет.

Тем временем старший инспектор службы безопасности Артем Сергеевич Орлов заканчивал обход сектора «Гамма». Его мир был выстроен иначе, по понятным координатам. Он не видел в «Зените» ни космического корабля, ни научной утопии. Он видел объект «З-43»: концентрические круги обороны, точки уязвимости, распорядок дня и психологические портреты вверенных ему «активов» – ученых. Ученые, с точки зрения Орлова, были особым, сложным видом людей. Ценные, но непредсказуемые, как реактивы высокой чистоты: одно неверное движение, и вместо открытия – катастрофа. Как тот Гордеев. Талант, говорят, гениальный. Но взгляд рассеянный, в себе, в своих формулах. Такие, увлекаясь, могли забыть пропуск в лаборатории, пролить кофе на серверную стойку или, того хуже, в пылу спора проболтаться о

деталей работы в незасекреченном чате. Задача Орлова и его людей была двойной: не пустить врага снаружи и не выпустить наружу – ни информацию, ни самих этих гениев, пока не истечет срок их вахты. *Они как дети*, – думал он, проходя мимо аквариума с искусственными рыбками, – *с игрушками страшной силы. И наша работа – стоять рядом и смотреть, чтобы ребенок не сунул игрушку в розетку и не спалил полгорода. А они вечно норовят розетку разобрать, чтобы посмотреть, откуда там ток.*

Он подошел к огромному, во всю стену, окну-экрану, которое в жилых секторах изображало пейзажи – сейчас это был вид на осенний сосновый бор. Фальшивый, слишком идеальный, без единого сучка, без настоящего лесного хаоса. За этим экраном были десятки метров скальной породы. Выше – еще три надземных этажа, замаскированных под заброшенную геологическую станцию образца 70-х. Еще выше – периметр: забор с датчиками, контрольно-следовая полоса, вышки, КПП на единственной подходящей дороге. И наряды с собаками, которые бороздили окрестные леса даже сейчас, в три часа ночи. Круговая оборона от реальности. И всё равно он чувствовал беспокойство. Не внешнее, а внутреннее.

«Рай в бункере», – мысленно усмехнулся Орлов. Он предпочитал суровую простоту: график дежурств, исправное оружие, четкие приказы и ясное понимание, кто свой, а кто чужой. Здесь же приходилось иметь дело с призраками – с теориями, которые могли взорваться непредсказуемым образом. Завтрашний эксперимент в лаборатории Л-7, на минус пятом, самом нижнем уровне, вызывал у него стойкое, профессиональное беспокойство. В документах значилось: «Исследование когерентных состояний квантового вакуума». Орлов, отслуживший в «Альфе» и видевший всякое, расшифровывал это проще: «Калечат невидимое. Неизвестно, что вылезет». И ему, человеку действия, эта неопределенность претила больше всего. Его беспокоила не столько физика, сколько динамика в команде. Махницкий гнал вперед, Ашихмина осторожничала, молодые рвались в бой. Рецепт для ошибки.

Он посмотрел на планшет. На экране мигала иконка – Гордеев Д.Р. покинул библиотеку и движется по коридору в свой жилой блок. Маршрут без отклонений. Орлов выдохнул. Пока все спокойно. Но в его памяти уже откладывался факт: новый физик, рассеянный, ходит не по своим секторам, интересуется старыми книгами. Не угроза. Но – фактор неопределенности. А в работе Орлова неопределенность была врагом номер один, хуже вооруженного диверсанта. Диверсанта можно нейтрализовать по уставу. А что делать с идеей, которая осела в голове гения и ведет его в непредсказуемом направлении?

Он снова взглянул на фальшивый сосновый бор на экране. И почему-то вспомнил свой первый командирский наряд на границе, много лет назад. Ту же звенящую тишину перед неизвестностью. То же щемящее чувство, что за видимым спокойствием, за этой нарисованной идиллией, скрывается что-то огромное и непонятное, наблюдающее за тобой из темноты. Только там это были горы и чужая территория. А здесь – граница проходила между этажами. Между тем, что можно понять и контролировать, и тем, что собирались делать внизу, в лаборатории Л-7. Между здравым смыслом и «Колыбелью». И он, Орлов, стоял на этой границе с табельным оружием, которое было бесполезно против сингулярностей и квантовых флуктуаций. Его оружием здесь были бдительность и протокол.

Завтра начнется вахта у шлюза Л-7. Орлов мысленно проверил состав своей смены. Все проверенные ребята, свои. Он поймал себя на том, что держит руку на рукояти тазер-пистолета. Привычка. Здесь, на глубине ста метров, под землей, полной сюрреализма и гениев, это ощущалось глупой, но необходимой утешительной традицией. Как талисман. Как крестик на шее. Защита от невидимого не оружием, а символом понятного, твердого мира, где угрозу можно увидеть и обезвредить.

«Главное, чтобы их «Колыбель» не родила чего-нибудь, с чем мы не справимся ни протоколами, ни тазерами», – подумал он, перед тем как сделать очередную отметку в электрон-

ном журнале и отправиться дальше, вглубь искусственного дня подземного «Зенита», этого грандиозного мавзолея живой мысли, готовой на всё ради познания.

ГЛАВА 2: ЭФФЕКТ КАЗИМИРА-ТОРНА

Лаборатория Л-7 была сердцем «Зенита» и его самой дорогой иконой, храмом, где молились не богу, а Числу. Помещение напоминало собор, посвященный науке: цилиндрический зал высотой в три этажа, в центре которого на массивной магнитной платформе висела, не касаясь пола, сложнейшая конструкция из охлаждающих колец, лазерных излучателей и мишени из сверхчистого графена – «Колыбель». Свет был приглушенным, синеватым, выхватывающим из полумрака блеск нержавеющей стали и матовую черноту экранирующих панелей. Воздух гудел низкочастотным гудением криогенных насосов и высоковольтных преобразователей – монотонная мантра машины, готовящейся к акту творения. Но под этим гулом чувствовалось и другое – тихое, лихорадочное напряжение людей, стоявших на пороге невозможного.

Андрей Викторович Махницкий, руководитель проекта «Вершина», стоял на главном балконе за пультом управления, и его поза излучала непоколебимую уверенность познанного. В свои сорок восемь он был облакан академическими званиями, но здесь, в «Зените», чувствовал себя не просто ученым, а творцом новой реальности, демиургом, который не описывает законы, а диктует их. Его взгляд, скользнув по мониторам с зелеными графиками, был властным и жаждущим, взглядом хищника у клетки, где томится сама Природа. Он уже видел свое имя в учебниках, написанное рядом с именами Эйнштейна и Бора. *Они лишь описывали мир. Я же его изменю. Сделаю то, о чем они боялись даже мечтать – локально изменю свойства самого пространства. Эффект Казимира – лишь ключ. Мои поправки, теория Торна о стабилизации... и эта установка – отмычка к двери.*

– Статус «Колыбели»? – спросил он, не оборачиваясь. Голос был спокоен, но в нем слышалось нетерпение алхимика, у которого вот-вот получится философский камень. *Не камень. Дверь.*

– Температура мишени: двенадцать милликельвинов. Стабильность в пределах нормы, – отозвалась Елена Александровна Ашихмина. Она сидела за соседним терминалом, ее пальцы быстро и точно бегали по клавиатуре, словно пианистка, исполняющая сложную партитуру. В отличие от начальника, ее осанка была скованной, а во взгляде, устремленном на показания вакуумных датчиков, читалась глубокая, профессиональная озабоченность. – Андрей Викторович, давление в камере всё ещё на полтора порядка выше расчетного для идеальной стабилизации. Флуктуации в магнитном поле наводят на мысль о неучтённых резонансах в конструкции... Мне не нравится эта картина. Это не шум. Это система пытается нам что-то сказать.

– Флуктуации в допуске, Елена Александровна, – парировал Махницкий, слегка повернув к ней голову. Улыбка была ободряющей, но в уголках глаз пряталось легкое раздражение, как у учителя, которому надоели придирки старательной ученицы, не способной увидеть лес за деревьями. – Мы не в идеальном вакууме Вселенной работаем. Мы – в реальности, в ста метрах под землей, с сотнями тонн железа вокруг. Реальность всегда сопротивляется, вносит помехи. И наша задача – не искать в каждом шуме апокалипсис, а заставить реальность подчиниться, пересилить ее инертность. Продолжайте подготовку к фазе насыщения. – В его тоне звучала не просьба, а приказ. Он был здесь не первым среди равных, а командиром на поле боя. А на войне сомнения и излишняя осторожность – это трусость, ведущая к поражению.

На нижнем уровне, у самого «тела» установки, возились молодые сотрудники. Дмитрий Гордеев, в синем лабораторном халате поверх простой футболки, проверял юстировку вспомогательных лазеров. Его лицо было бледным от сосредоточенности, очки слегка сползли на переносицу. Внутри него боролись восторг и страх, два вечных спутника первопроходца. Теория, которую они проверяли, сводилась к пугающе простой, но чудовищно сложной в реализации идее: создать в крошечной точке пространства такие условия, где квантовые флуктуации вакуума (эффект Казимира) не просто подавлялись бы, а перенаправлялись. С помощью чудо-

вищного давления лазеров и экстремального охлаждения они пытались не «порвать» ткань пространства-времени, а локально перекалибровать то, что физики называли полем Хиггса – то самое, что придает массу элементарным частицам. Поправки Торна касались теоретической возможности стабилизировать такую аномалию. В теории, это могло привести к рождению микроскопической, но стабильной «пузыревидной» сингулярности – области, где привычные законы переставали работать. В теории. На практике они били кувалдой по фундаменту мироздания, не зная, что находится по ту сторону стены. *Мы не просто ставим эксперимент. Мы стучимся в дверь, за которой может быть все, что угодно. Или ничего. Или мы сами, смотрящие на нас из прошлого,* – пронеслась вдруг странная мысль, навеянная вчерашним сном.

– Дима, смотри! – раздался звонкий, взволнованный голос над его ухом. – Колебания в спектре фонового излучения на частоте дельта. Это не похоже на шум.

Рядом, облокотившись на перила, стояла Виолетта Тимофеева. Длинные темные волосы были убраны в небрежный, но очаровательный пучок, из которого выбивались несколько прядей. Ее большие глаза, казалось, поглощали всё вокруг, отражая мерцание индикаторов. Она указывала на один из экранов, где кривая вела себя не по сценарию – не хаотичные всплески, а четкая, нарастающая синусоида.

– Это шум от насосов, Вета, – отозвалась Кристина Мусинцева, не отрываясь от пайки какого-то модуля оптической связи. Она была полной противоположностью подруге: короткая стрижка, практичный комбинезон, движения резкие и точные. – Я три дня назад говорила, что экранировку на линии 4-Б нужно менять. Не послушали. Сэкономили. – В ее голосе звучало знакомое всем технарям раздражение: когда теория бежит вперед, а железо отстает и скрипит, и все предупреждения инженеров тонут в потоке амбиций теоретиков.

– И всё же, – настаивала Виолетта, не отводя взгляда от графика, – форма пика... она когерентная. Похоже на предрезонанс. Не аппаратный. Как будто сама «Колыбель» уже сейчас, в режиме ожидания, начинает «звучать» на какой-то своей собственной частоте. Частоте пространства.

Гордеев взглянул на график. Девушка была права. В его сознании моментально пронеслась цепочка уравнений, переменные и константы выстроились в зловещую, но логичную комбинацию. Предрезонанс... Он мог говорить о нестабильности в самом пространстве-времени вокруг «Колыбели». О том, что их установка уже сейчас, в режиме подготовки, слегка натягивает ткань реальности, как барабанную перепонку. И эта перепонка начинает вибрировать. Это могло быть как предвестником успеха (резонанс перед прорывом), так и признаком критической неустойчивости, за которой последует коллапс. Риск. Всегда есть риск. Но в науке риск – это плата за вход на неизведанную территорию. Проблема была в том, что они не знали, куда ведет эта территория и какая цена за вход может оказаться конечной.

– Елена Александровна! – позвал он, поднимая голову на балкон, стараясь, чтобы в голосе не дрогнуло. – На спектральном анализе канала «Дельта» есть когерентная аномалия. Рекомендую отложить насыщение для дополнительной диагностики. Это может быть признаком неучтённой неустойчивости.

Махницкий услышал это первым. Его брови поползли вниз, образуя твердую, неодобрительную складку. Еще одна помеха. Еще одно «но» от осторожных молодых, которые боятся своего же величия.

– Гордеев, мы не на студенческом семинаре, где можно бесконечно уточнять детали, – сказал он, и его голос приобрел металлический оттенок, который все в лаборатории знали слишком хорошо. – Аномалии – часть процесса, когда ты работаешь на грани известного. Мы уже трижды откладывали из-за «аномалий», которые оказались наводками от системы вентиляции или сбоем датчиков. Наше окно стабильности внешней сети ограничено. Мы либо работаем сейчас, либо ждём полгода следующего цикла финансирования. – Он повернулся к Ашихминой, перекладывая на нее груз решения, но оставляя за собой право вердикта. – Елена

Александровна, ваш вердикт? Готовы ли мы? Или будем дальше искать призраков в шумах? Может вы, хотите до конца жизни описывать законы, как монахиня молитвы? Я хочу услышать, как они звучат! Даже если это будет крик!

Ашихмина закусил губу до боли. Ее пальцы замерли над клавиатурой. Взгляд метнулся от графика, указанного Гордеевым, к главной панели готовности, где зеленые огни выстроились в безупречную шеренгу, обещая успех, и к властному, нетерпеливому лицу Махницкого. Острый, холодный комок страха сжался у нее под лопаткой – не личного страха, а профессионального ужаса физика-экспериментатора перед неизвестностью. Ее инстинкт, отточенный двадцатью годами работы с высокими энергиями, кричал: «Стоп! Проверь еще раз! Отложи!» Этот резонанс был слишком чистым, слишком правильным, чтобы быть артефактом. Но напротив стоял Махницкий, чья воля и связи двигали проектом. Чья карьера и их общее будущее – финансирование, признание, сама возможность работать – все висело на волоске этого эксперимента. Сказать «нет» сейчас – значит не просто отложить, а возможно, похоронить дело лет на пять, пока комиссии будут разбираться. Она вспомнила, как два года назад закрыли её проект по стабилизации плазмы под формальным предлогом. Наука, увы, давно перестала быть чистой службой истине. Она стала службой с отчетностью, планами и начальниками, которые ждут результата к сроку.

– Данные... неоднозначны, – сказала она наконец, избегая его взгляда, глядя куда-то в пространство между мониторами, где не было ответственных решений. – Вероятность системной ошибки... около тридцати процентов. Но я не могу исключить влияния на первичную фазу насыщения. Эффект может быть нелинейным, вызвать каскадную неустойчивость. Риск... есть.

– Тридцать процентов – это не риск, это погрешность, – отрезал Махницкий. Его голос стал тверже, металлически-звонящим, голосом человека, принявшего решение и отбросившего сомнения как балласт, мешающий движению. – Мы выходим на финишную прямую. Окно стабильности ограничено. Включение по расписанию. На всех каналах. Фаза насыщения – через три минуты. – Он нажал крупную, защищенную колпачком кнопку на пульте. Раздался мягкий, но властный звуковой сигнал, прозвучавший как приговор. – Всем занять позиции. Привести себя в готовность. – Он сказал это так, будто отдавал приказ перед атакой на неприступную высоту, где ждут либо слава, либо смерть.

В лаборатории воцарилась напряженная, звенящая тишина, нарушаемая только нарастающим, всепоглощающим гулом оборудования, которое выходило на пиковую мощность. Виолетта и Кристина обменялись быстрыми взглядами – в глазах первой был азарт первооткрывателя, смешанный с трепетом, второй – чистая, холодная тревога инженера, знающего, где могут быть слабые места и что игнорирование «мелочей» всегда приводит к большой беде. Гордеев чувствовал, как по его спине пробегает холодок, тот самый, предвещающий роковую ошибку, которую видишь, но не можешь предотвратить. Он посмотрел на Ашихмину. Та сидела, стиснув кулаки так, что костяшки побелели, ее взгляд был прикован к главному экрану, где начинала строиться синусоида энергии, впрыскиваемой в «Колыбель». Красивая, правильная кривая. Слишком правильная, чтобы быть правдой в этом неидеальном мире.

За бронированным стеклом смотровой галереи, невидимый для ученых в полумраке лаборатории, стоял Артем Орлов. Он наблюдал не за графиками, а за людьми. Видел властную, непрошибаемую осанку Махницкого, скованную, сжатую пружину ожидания в спине Ашихминой, сосредоточенные, но слишком бледные лица молодежи. Его собственные нервы были натянуты, как струны. Он слышал не гул машин, а тиканье невидимых часов, отсчитывающих время до чего-то непоправимого. Что-то здесь было не так. Динамика в группе, этот короткий, подавленный спор, который был не обсуждением, а столкновением волей, где одна воля просто задавила остальные... Это был не здоровый профессиональный диспут. Это был раскол. А

там, где раскол и давление сверху, рождаются ошибки. Самые страшные ошибки – сделанные умными людьми из лучших побуждений, из страха, из амбиций.

Он приложил палец к микрофону в воротнике, нажал кнопку и сказал тихо, но четко, чтобы не нарушать тишину в лаборатории, но чтобы его услышали на пульте безопасности: – «Вышка», я на наблюдательном посту Л-7. Готовность аварийной бригады у шлюза. – Пауза. Он видел, как на главном экране цифры обратного отсчета сменились с «02:00» на «01:59». – Рекомендую усилить готовность. Ситуация... нештатная. Чувствую. Эмоциональный фон в основной группе нестабилен.

В ответ хрипнуло, уже без обычной официальной скованности: – Понял, «Старшина». Готовность подтверждена. Будьте начеку. Держим на контроле.

На главном пульте Махницкий, забыв о всех сомнениях, с почти религиозным фанатизмом в голосе произнес, глядя на «Колыбель», где уже начинало мерещиться дрожание воздуха, словно мираж над раскаленным асфальтом, только холодный, искажающий свет: – Энергия на подвод. Начинаем отсчет. Десять... девять...

Гордеев, глядя на ту же точку, поймал себя на мысли, что мир разделился на «до» и «после». И он больше не был уверен, что хочет увидеть это «после». Что, если «после» окажется концом не только эксперимента, но и всего, что они считали реальностью? Что, если эта «дверь» откроется не наружу, а внутрь, и наружу выйдет что-то, для чего у них нет ни слов, ни понятий?

– ...три... два... один... Насыщение.

Махницкий нажал финальную клавишу. Звук был мягким, но в нем чувствовалась тяжесть неотвратимости, точка невозврата.

И мир в лаборатории Л-7 не взорвался. Он разорвался. Не так, как рвется ткань или металл – с грохотом и осколками. Он разорвался тихо, как лопается мыльный пузырь, но с последствиями взрыва сверхновой. Это был разрыв в самой причинности, мгновенная, яростная аномалия, проступившая сквозь тонкую кожу реальности, которую они сами истончили до предела.

Вместо чистого точечного всплеска данных на экране, из «Колыбели» вырвался сгусток белого пламени. Не огня в привычном смысле – не химической реакции, а плазмы сжатого света, чистого излучения, материализовавшегося яростью разгневанного вакуума. Он с воем, нарушившим всякую звуковую логику (ибо звука в вакууме быть не могло), ударил в потолок, оставив на нем черную, оплавленную впадину, словно клеймо. Одновременно – с дьявольской синхронностью – взорвался главный силовой щит на балконе. Не грохот, а оглушительный, сухой хлопок, и полосуха оранжевого, ядовитого пламени вырвалась из панели управления прямо в сторону Елены Ашихминой. Будто сама техника, доведенная до предела абсурдного напряжения, обернулась против своих создателей в акте слепого, механического мщения.

Она вскрикнула, откинувшись назад в кресле, прикрывая лицо руками – беспомощный человеческий жест перед лицом слепой, безличной энергии. Искры и обломки пластика впились в ее халат, одна из сорвавшихся панелей ударила ее по плечу и голове с тупой, неодушевленной силой. Она беззвучно сползла на пол, задымленный, горячий ошметок кабеля тлея у ее ног, как змея. Ученый, пытавшийся понять и покорить мир, был повержен его простейшим, грубым проявлением – огнем и ударом. Мир дал сдачу. И сдача оказалась страшнее.

А в центре зала, там, где секунду назад висела «Колыбель», теперь парило нечто иное. Не разрушение. Результат.

ГЛАВА 3: СФЕРА

Мир не взорвался. Он *разорвался*. Не так, как рвется ткань или металл – с грохотом и осколками. Он разорвался тихо, как лопается мыльный пузырь, но с последствиями взрыва сверхновой, сжатыми в точку. Это был разрыв в самой логике мироздания, мгновенная аномалия, проступившая сквозь тонкую, растянутую до предела кожу реальности.

В центре зала, там, где секунду назад висела «Колыбель», теперь парило Нечто. Сначала это был лишь сгусток слепящего хаоса, но через мгновение, словно устав от собственной неопределенности, оно обрело форму. Совершенную и невозможную.

Сфера.

Идеально круглая, диаметром около трех метров. Она не просто висела в воздухе – она *заменяла* его собой на этой высоте. Ее поверхность не была твердой в привычном смысле. Она напоминала жидкую ртуть, если бы та состояла из черного космического бархата и переливалась всеми цветами радуги, которые мгновенно тонули в этой бездонной черноте. Она не излучала тепло, не издавала звука. Она просто *была*. И это «бытие» искажало все вокруг. Воздух струился вдоль ее поверхности, как вдоль невидимого стекла, но это было не искажение тепла – это было искажение самой метрики пространства. Легкая, едва уловимая *неправильность* геометрии, от которой слезились глаза, сводило желудок и мозг отчаянно пытался «соскоблить» этот образ, найти ему знакомые аналогии, но не находил. Это был объект, который не просто нарушал законы – он демонстративно игнорировал их, существуя в полном, надменном спокойствии. Плод их дерзости. Или ошибки.

– Боже правый... – прошептал кто-то. Это была Кристина, забывшая про свою рану на лбу, из которой сочилась кровь. Ее голос был голосом человека, столкнувшегося с чудом, но чудом холодным, бездушным и оттого в тысячу раз более страшным, чем любое стихийное бедствие.

На балконе царил хаос другого рода. Махницкий стоял, прислонившись к уцелевшей стойке, и смотрел не на пожар, не на раненую коллегу, а в центр зала. Его лицо было пепельно-серым, рот приоткрыт. Весь его авторитет, вся его спесь, весь карточный домик самоуверенности были смыты одной волной животного, первобытного ужаса. «Я всё проигнорировал... Я всё проспал...» – билось в такт лихорадочному пульсу в висках, навязчивой, идиотской строчкой. Но сквозь этот ужас, как росток сквозь асфальт, пробивался иной, острый, почти хищный интерес. Там, где должна была быть катастрофа, висел... Результат. Пусть ужасный, пусть непредвиденный, но результат! Его разум, отринув страх, уже анализировал: стабильная форма, отсутствие эмиссии энергии, гравитационное искажение... Это был не взрыв. Это было *рождение*. Они не уничтожили установку – они трансформировали ее во что-то новое. Это парализовало и завораживало одновременно. Он стоял, загипнотизированный собственной дерзостью, даже если эта дерзость обернулась катастрофой для людей. *Мы сделали это. Мы вызвали нечто. И оно... стабильно.*

– Пожар на верхнем уровне! Люди! – Это был голос Орлова, пробивавшийся сквозь вой сирен и шипение пеногенераторов, уже начавших свою автоматическую, бестолковую работу на нижнем ярусе. Голос не команды, а констатации. И в нем – редкая для него нота чего-то, кроме служебного рвения. Нечто человеческое, прорвавшееся сквозь броню протокола.

Он не видел Сферы как научного феномена. Он видел только дым, огонь и неподвижную фигуру женщины в белом халате на задымленном балконе. Его тело среагировало раньше мысли, раньше анализа. Это был не расчет, а рефлекс, заглушивший все инструкции и приказы об изоляции зоны. Дверь на галерею с шипением отъехала, и он влетел в лабораторию, пригнувшись, игнорируя сыплющиеся с потолка горящие обломки теплоизоляции – черные хлопья искусственного ада. Его мир сузился до точки: балкон, огонь, она. Все остальное – гул, крики, странный объект в центре – перестало существовать. Задача была проста и ясна, как на учениях: добраться, вытащить, спасти. В этой простоте была страшная, неопровержимая человеческая правда, против которой не работали никакие правила.

Тем временем внизу, откашлявшись от едкого дыма, поднимались молодые. Кристина держалась за окровавленный лоб. Виолетта, вся бледная, трясущимися руками пыталась помочь ей, но ее взгляд блуждал по залу, ища ответа на немой вопрос: «Что мы наделали?»

– Всё в порядке... Всё в порядке... – бормотала она, но сама в это не верила. Это были слова-обереги, пустые и бесполезные против физики, вышедшей из-под контроля.

Дмитрий Гордеев поднялся первым. У него звенело в ушах, и в груди саднило от удара о стойку, но физическая боль была ничтожна по сравнению с тем, что он увидел. Его взгляд, затуманенный, был прикован к эпицентру. К Сфере. Ученый в нем ликовал и ужасался одновременно. *Уравнения Торна... стабилизация... Боже, мы не создали червоточину. Мы создали стабильную пространственную аномалию. Махницкий был прав в одном – мы изменили локальные свойства поля. Но что это за свойства?* Страх отступал, уступая место всепоглощающему научному голоду, жадному, почти постыдному в такой момент. Он чувствовал головокружение от близости к тайне, столь же сильное, как от удара.

Не отдавая себе отчета, он сделал шаг вперед. Потом еще один. Разум кричал об опасности, но в нем говорило что-то более древнее, животное и одновременно возвышенное – любопытство, тяга к непознанному, та самая сила, что гонит мотылька на огонь, а человека – в бездну. Он медленно, словно во сне, протянул руку. Это был жест не ученого, а ребенка, тянущегося к диковинной и страшной игрушке.

– Гордеев, стой! – хрипло крикнула Виолетта, но было поздно. Ее крик был гласом разума в царстве безумия, и он прозвучал впустую.

Его пальцы коснулись поверхности. Ожидаемого ожога, удара или диссоциации не последовало. Было ощущение... неоднородного сопротивления. Как будто он касался не предмета, а границы раздела сред, причем обе эти среды были неизвестны науке. И холод. Не физический холод отсутствия тепла, а метафизический, пустой, как вакуум между галактиками, холод абсолютной инаковости. В тот же миг поверхность в точке касания вспыхнула ярким, холодным белым светом, и по Сфере побежали концентрические круги, как от брошенного в нефтяную лужу камня, только световые, идеально симметричные, геометрически безупречные. Гордеев отдернул руку, ошеломленный. Его пальцы были целы, но от кончиков до локтя пробежало странное онемение, как будто рука «заснула» на мгновение и проснулась чужой, временно вычеркнутой из списка управляемых телом конечностей. *Она чувствует. Она реагирует. Но на каком языке? На языке прикосновения? На языке... вторжения?*

Тем временем Орлов уже был на балконе. Он сбросил с Ашихминой тлеющий кабель, грубо потушил его сапогом, затем сорвал со стены углекислотный огнетушитель и короткими, точными очередями добил очаги возгорания на панели. Дым ел глаза, но он действовал на автомате, годами натренированными движениями. Потом опустился на колени рядом с ней, отодвинув обломки.

– Елена Александровна? Слышите меня? – Его голос был низким, сдавленным. Не таким, каким он отдавал приказы подчиненным.

Он осторожно приподнял ее голову. На виске зияла рваная рана, кровь текла по щеке, смешиваясь с сажей, рисуя жутковатый узор. Но грудь поднималась – часто, поверхностно, но поднималась. Жива. Его собственное сердце заколотилось с такой силой, что он едва слышал воющие сирены. Это не было просто сожаление к коллеге, к «активу». Это был внезапный, острый укол страха за неё. За ее спокойные, умные глаза, которые сейчас были закрыты. За ее тихий, всегда немного усталый голос, который пытался всех предостеречь и который не слышали. В этот момент она перестала быть для него единицей в отчете. Она стала... человеком, которого он не смог уберечь. И это ранило глубже, чем любой выговор. Он видел, как ее пальцы слегка дернулись – плохой знак при черепно-мозговой травме.

– Медики! Нужны носилки и нейрохирург на уровень Л-7, балкон! Травма головы, потеря сознания! – рявкнул он в микрофон, и в его голосе впервые за многие годы прозвучала неподдельная, неконтролируемая тревога, трещина в броне служебного спокойствия.

Через минуту в лабораторию, преодолевая шлюзы, ворвалась первая группа помощи – техники, инженеры, два других ученых из смежных отделов. Увидев Сферу, они замерли,

пораженные, но дисциплина и привычка к нештатным ситуациям взяла верх. Кто-то начал тушить остатки возгорания внизу, кто-то бросился к уцелевшим терминалам, пытаясь снять хоть какие-то данные с датчиков, уцелевших в этом хаосе. Данные были теперь важнее всего.

Махницкий, увидев подмогу, словно очнулся от ступора. Его страх и изумление начали кристаллизоваться в четкий, холодный план действий. Катастрофа? Да. Но теперь это была *их* катастрофа, их уникальный, ни с чем не сравнимый материал. Нужно было взять его под контроль, описать, оседлать раньше, чем придут из центра и всё засекретят или, что хуже, уничтожат. Страх трансформировался в лихорадочную, целеустремленную активность.

– Всем внимание! – его голос, хоть и сорванный, снова зазвучал властно, восстанавливая иерархию в этом хаосе. – Первичная задача: стабилизировать обстановку. Отключить все второстепенные системы, питание на объект не подавать! Гордеев! Что с объектом? Ваш первичный контакт!

Дмитрий, все еще разглядывавший свою онемевшую, но живую руку, вздрогнул, вырванный из оцепенения.

– Стабилен... Структурно инертен. Касание вызвало энергетический отклик, но не структурный. Температура окружающего воздуха не меняется. Излучение... – он посмотрел на принесенный кем-то портативный спектрометр, судорожно соображая, – ...неподдающееся идентификации. Это не электромагнитный спектр в привычном понимании. Скорее... следы видоизмененного поля Хиггса. Это что-то совершенно новое. Объект класса... стабильная сингулярность.

– Фиксируйте всё, – приказал Махницкий, уже подходя к краю балкона и вглядываясь в переливающуюся поверхность Сферы. В его глазах горел теперь чистый, неразбавленный азарт первооткрывателя, затмивший все остальное, включая чувство вины. Да, авария. Да, ранения. Но они создали *это*.

— Оно стабильно... Видите? Оно не распадается. Мы... не разорвали ткань. Мы её... *защитопали* иным узором. Боже... что мы сделали? Его глаза блестели и в этом блеске читался не только восторг, но и страх от случившегося открытия. Такого не было нигде в мире. Его имя будет в учебниках, и не маленькой сноской, а заголовком новой главы. Нужно только взять ситуацию под контроль, представить это в правильном свете. – Орлов! Как там Ашихмина?

Орлов, помогая медикам уложить Елену на носилки, обернулся. Его лицо было жестким, маской профессионала, но в глазах, мелькнувших в сторону Махницкого, стоял немой, тяжелый укор. *Вы. Это из-за вашего решения. Из-за вашей спешки.*

– Закрытая черепно-мозговая травма, вероятно, сотрясение, рваная рана виска, ожоги первой степени, – отчеканил он, избегая длинных взглядов, срываясь на сухие медицинские термины. – В сознание не приходила. Ее везут в медблок в реанимационный бокс. – Он отвел взгляд, поправляя на ней кислородную маску с неожиданной, чуждой ему нежностью, и добавил уже тише, будто про себя, но так, чтобы Махницкий услышал: – Будьте осторожны, Андрей Викторович. Одна ошибка уже стоила крови.

– Хорошо. Держите меня в курсе, – сказал Махницкий, и его тон был уже чисто деловым, отстраненным. Поле битвы оставалось за ним. Он повернулся к ученым, которые осторожно, с разных сторон, начинали окружать Сферу с приборами, как дикари – незнакомое идола, пытаясь понять, требует ли он жертв или дарует благодать. – Начинаем протокол экстренного исследования серии «Нулевой контакт». Всё, что фиксируется: любые энергетические импульсы, гравитационные аномалии, искажения пространства, любое излучение. Гордеев, вы первый вступили в контакт. Ваше мнение приоритетно. Но без глупостей, – добавил он, и в этом была и похвала, и предупреждение: ты ценен, но ты на крючке.

Гордеев кивнул, глядя на Сферу. Страх отступал, уступая место нарастающей волне одержимости. Они стояли на пороге. На пороге чего – он не знал. Но это было *нечто*. И это нечто было здесь, в их лаборатории, плодом их рук и их безумия. Он чувствовал, как привычный мир

– с его законами, страхами, моралью – отдаляется, становится призрачным. Реальным была только эта черная, переливающаяся тайна.

Орлов же, проводив взглядом удаляющиеся носилки, в последний раз взглянул на Сферу. Для него это был не объект исследования. Это была причина. Причина боли в глазах умной женщины и той странной, забытой тревоги в его собственном, давно окаменевшем сердце. Он мысленно дал себе слово: как только ситуация позволит, он будет в медблоке. А пока его долг – охранять этих безумцев от их же открытия. И открытие – от них. И от себя самого – от этого нового, незнакомого чувства ответственности за конкретного человека, а не за абстрактный «объект» или «актив». Но впервые за долгие годы он сомневался, хватит ли у него протоколов и тазеров, чтобы справиться с тем, что они тут натворили.

ГЛАВА 4: РЕЖИМ «КВАРЦ»

Автоматика сработала безупречно, как и полагается механизмам в мире, где человек уже не может доверять себе. Еще до того, как в Л-7 завывли сирены, комплекс «Зенит» начал умирать для внешнего мира – добровольно, по плану, превращаясь в интеллектуальную гробницу. Гермозатворы, похожие на крышки банковских хранилищ, со глухим, окончательным стуком опустились на все главные тоннели и лифтовые шахты, ведущие с рабочих уровней на жилые и дальше – к поверхности, к солнцу, к нормальной жизни. Система жизнеобеспечения перешла на автономный цикл, закольцевав себя. Связь с Большой Землей, кроме одного зашифрованного канала для экстренных сообщений, была заглушена, подавлена, вырезана. Комплекс превратился в идеальную стальную капсулу, запечатанную в граните, в искусственную пещеру Платона, где тени на стенах были теперь их единственной реальностью. На табло в Центре управления безопасностью (ЦУБ) загорелась лаконичная, безучастная надпись: **РЕЖИМ «КВАРЦ». АКТИВИРОВАН.** Словно диагноз неизлечимой болезни, которая теперь была у них всех.

ЦУБ напоминал капитанский мостик атомной подлодки, идущей на глубине под вечными льдами: темно, прохладно, мерцают десятки мониторов, отбрасывая синеватый свет на сосредоточенные лица. Артем Орлов, смахивая сажу с рукава и чувствуя въедливый запах гари в ноздрях – запах провала и сожженной изоляции, – доложил ситуацию подполковнику Степанову. Говорил четко, по пунктам, выжимая из себя служебную машину, но в скупых формулировках проскальзывала тяжесть увиденного: «объект стабилен», «Ашихмина в тяжелом состоянии», «Махницкий взял руководство исследованиями на себя».

Иван Сергеевич Степанов, начальник охраны «Зенита», слушал, не перебивая, впитывая информацию, как губка. Бывший десантник, он был на голову выше Орлова и почти на столько же шире в плечах, но теперь его физическая мощь была бесполезна. Его лицо, изрезанное шрамами и морщинами (одни – от осколков, другие – от начальственных бумаг), оставалось невозмутимым, но в маленьких, колющих глазах, знакомых Орлову еще по Афгану, где они, лейтенант и сержант, делили один окоп и страх, мелькало понимание всей глубины нового кошмара. Не кошмара войны, где враг понятен, а кошмара абсурда, где враг – это последствия собственных действий, материализовавшиеся в виде черной дыры в твоём же подвале.

– Ранена Ашихмина, – закончил Орлов, и имя он произнес чуть отчетливее, с чуть большим весом, чем другие факты, выдавая себя.

– Жива? – спросил Степанов, уловив нюанс. Он знал Орлова. Тот не делал акцентов на пустом месте.

– Да. Но тяжело. Увезли в реанимацию.

– Ладно, – Степанов тяжело вздохнул, и в этом вздохе было усталое знание: раз есть живые свидетели-специалисты, значит, бардак еще не окончательный, с ним можно что-то делать. – Значит, не просто хлопушка. «Колыбель»?

– Нет. Что-то другое. Сфера. – Орлов сделал паузу, подбирая слова, которые были ему чужды. – Иван, я такое видел... только в плохом кино. И то в самом плохом. Оно висит. И

смотрит. Будто само пространство на нас смотрит и не понимает, что мы тут делаем. И не хочет понимать.

Степанов хмыкнул, запуская мощную, исчерченную шрамами ладонь в свой щетинистый затылок. Жест растерянности, который он себе редко позволял.

– Кино, говоришь... – Он потянулся к терминалу, вызвав на экран схему периметра – уютную, понятную картинку зон контроля, и указал на один из удаленных объектов, значок склада. – У нашего Кемеровского СОБРа, есть игрушка. БПЛА «Птеродактиль». Бронированный, всепогодный, с манипулятором и полным спектром датчиков. Воткнуть бы эту штуку в твою Сферу – и посмотреть, что на другой стороне. Но это так, мысли вслух. – Он посмотрел на Орлова, и в его взгляде была та же тоска по-простому, физическому действию, по врагу, которого можно увидеть и обезвредить. – Пока здесь командует Махницкий, а над ним – Москва, мы только ящик сторожить можем. И чтоб из него ничего лишнего не вывалилось. А что внутри ящика творится – не нашего ума дело. – В этой фразе звучала вся горечь профессионального солдата, которого поставили охранять сумасшедший дом, не объяснив, кто здесь сумасшедшие и что именно они собираются сломать.

Решение о вызове «сверху» пришло быстрее, чем они ожидали, но не мгновенно. Система, почуяв неладное, среагировала, но бюрократическая машина требовала времени. Первые запросы пошли в Москву в течение часа после аварии. И только через шесть часов по спецканалу, минуя обычные инстанции, поступило шифрованное уведомление, сухое и не допускающее вопросов: «Для оценки ситуации вылетает представитель Координационного комитета. Гончаров Д.А. ЭТА – 08:00 по-местному».

Гончаров прибыл не на следующее утро, а через двенадцать часов после аварии, на борту угольно-черного, неопознанного вертолета, который сел на посадочную площадку, замаскированную под высохшее болото в пяти километрах от «Зенита». Время ушло на сборы, инструктаж и полет. Он был одним человеком, но его появление изменило атмосферу в ЦУБ, как появление хищника меняет атмосферу в клетке с птицами. Тишина стала натянутой, движения – более отточенными, взгляды – осторожными. Это был не просто проверяющий. Это был судья, прибывший на место катастрофы, чей вердикт мог определить судьбу всего объекта и всех, кто на нем находился.

Дмитрий Анатольевич Гончаров, лет сорока, был воплощением холодной, отполированной до блеска эффективности. Безупречный темный костюм, белая рубашка без галстука – намек на неформальность, которая формальнее самого строгого галстука. Часы простой, но безумно дорогой марки, отсчитывающие время, цену которого знал только он. Его лицо было приятным, не запоминающимся, специально не запоминающимся, а глаза... глаза были как у очень дорогого сканера: они все считывали, оценивали, взвешивали, но ничего не отражали. Ни волнения, ни интереса, ни усталости от перелета. Он поблагодарил за предоставленные материалы вежливо, без тепла, выслушал сжатый доклад Степанова и Махницкого (который уже успел оправиться от шока и говорил о «прорывном феномене», «новой физике» и «историческом моменте» с привычным, но теперь слегка истеричным пафосом), и попросил показать объект. Не поторопился. Не выразил эмоций. Просто попросил. И это было страшнее любой истерики.

Стоя за бронированным стеклом смотровой Л-7, Гончаров несколько минут молча наблюдал за Сферой и за учеными, копошившимися вокруг нее с приборами, как муравьи вокруг капли меда, которая может оказаться ядом. Его лицо было бесстрастно. Внутри же работал безупречный механизм оценки. *Стабильность – главный фактор. Угроза – вторична, но приоритетна. Махницкий – амбициозен, нестабилен, но управляем через амбиции. Военные – насторожены, но дисциплинированы. Нужны данные. Контролируемые данные.*

– Стабильность? – спросил он наконец, не поворачивая головы, словно обращаясь к самому объекту.

– Абсолютная, – ответил Махницкий, стараясь, чтобы в голосе звучала уверенность, но не вышло – прозвучало подобострастно. – Никаких колебаний с момента возникновения. Ни по энергии, ни по геометрии. Объект инертен.

– Вероятность инопланетного происхождения? – Вопрос был задан ровным тоном, но в нем чувствовалась проверка на вменяемость: насколько Махницкий еще адекватен и не спятил ли он окончательно от своего «прорыва».

– Исключена, – фыркнул Махницкий, польщенный и слегка раздраженный. – Это продукт наших энергий, нашего эксперимента. Но природа... радикально нова. Мы имеем дело с макроскопическим проявлением стабилизированной пространственной сингулярности, вероятно, топологического дефекта вакуума.

– Природа – вопрос второй, – мягко, но неотразимо парировал Гончаров. – Первый – угроза. Расширения. Взрыва. Выброса радиации или иных, неизвестных излучений. Вы же понимаете, Андрей Викторович, что если этот ваш... пузырь лопнет не там, или начнет расти, то Кемеровской области, да и, возможно, всему югу Сибири, может сильно не поздоровиться? Можете смоделировать последствия? – Он повернулся и посмотрел на Махницкого. Взгляд был пустым, но в нем читался леденящий, абсолютно рациональный расчет. Именно таким – разумным, осторожным, педантичным до тошноты – он и запомнился своим коллегам в 2022 году, когда обеспечивал безопасность на переговорах в Стамбуле. Именно там, в промежутках между раундами за столом и ночными брифингами, его подходы, его взгляды на будущее России были тонко, искусно и необратимо скорректированы одним из «партнеров» по переговорному процессу. Не угрозами, не подкупом, а логикой. Логикой силы, логикой превосходства, логикой неизбежности. Теперь он служил двум господам, и его истинный хозяин находился далеко за океаном. Но служил безупречно, потому что это соответствовало его внутренней логике: служить сильнейшему и умнейшему. А сильнейшие, как он убедился, были по ту сторону океана.

– Я предлагаю ввести группу захвата и ликвидировать объект, – сказал Орлов, стоя чуть поодаль. Его предложение, грубое и прямое, повисло в воздухе, как вызов этой новой, абстрактной реальности.

– Ликвидировать? – Гончаров медленно повернулся к нему. В его взгляде мелькнуло легкое, почти профессорское удивление, как если бы студент предложил забить микроскоп молотком, чтобы изучить микробов. – Артем Сергеевич, мы только что, возможно, открыли дверь в новую физику. Возможно, в иное измерение или в иное состояние материи. Вы предлагаете заварить эту дверь, даже не попытавшись заглянуть в замочную скважину? Это было бы преступлением не только перед наукой, но и перед государством, вложившим сюда миллиарды. И, простите, расточительством уникального шанса.

– Я предлагаю устранить угрозу жизни персонала и целостности объекта «Зенит», – упрямо, по-солдатски повторил Орлов. – Объект неизучен. Непредсказуем. Уже есть пострадавшие. Мы не знаем, что это и как с ним обращаться.

– Ваше рвение понятно и достойно уважения, – кивнул Гончаров, и его губы на миг сложились в подобие улыбки, не достигающей глаз. – Но пока угроза пассивна, у нас есть шанс стать первыми. Первыми, кто поймет. Первыми, кто возьмет под контроль. – Он снова посмотрел на Сферу, и в его взгляде, наконец, появился отблеск чего-то настоящего: не любопытства ученого, а алчности. Алчности к знанию, к власти, к приоритету, который можно будет монетизировать или обменять на нечто большее. – Нужны данные. Безопасные данные. Контакт без прямого контакта. Необходимы дистанционные методы исследования.

Степанов, стоявший рядом с Орловым, тихо, так, чтобы слышал только его старый друг, прошептал, не шевеля губами: – Вот и пришло время моего киношного сюжета, Артем. Дрон. Зовем СОБР.

Орлов едва заметно кивнул. Мысль была здравая. Но теперь решение было не за ними. Они были лишь инструментами в руках этого спокойного, страшного человека, чьи решения диктовались логикой, которую они не могли до конца понять.

Гончаров вынул планшет, тонкий и изящный, не служебный, а личный, с матовым черным корпусом. – Я свяжусь с центром для согласования дальнейших действий. Нам потребуются, вероятно, специалисты по аномальным физическим явлениям и дистанционно управляемые аппараты для исследования. – Он сделал паузу, глядя на них обоих, оценивая их как ресурс. – А пока – полная изоляция Л-7. Никаких самодеятельностей. Научная группа работает под круглосуточным наблюдением ваших людей, подполковник. И, Артем Сергеевич... – он обратился к Орлову, – передайте доктору Ашихминой мои наилучшие пожелания скорейшего выздоровления. Ее аналитический ум нам сейчас очень нужен. Она, как я понимаю, была голосом осторожности. Голоса осторожности сейчас ценятся.

Фраза была произнесена безупречно вежливо. Но прозвучала как приказ: вернуть ценный актив в строй. И как тонкий упрек Махницкому, которого Гончаров уже начал оценивать, как источник неконтролируемого риска.

Когда Гончаров удалился в предоставленный ему кабинет для сеанса шифрованной связи (и кого он будет вызывать – Москву или Лондон? – с холодной ясностью подумал Орлов), они остались одни у огромной, светящейся карты объекта.

– Дистанционно управляемые аппараты... – проворчал Степанов, глядя вслед Гончарову. – Месяц будут в Москве комиссии собирать, какой бесшумнее и какого цвета, чтобы начальству понравился. У нас под боком целое спецподразделение рос гвардии, знакомые ребята за три часа сюда домчат, если дать команду.

– Теперь не мы решаем, – хмуро ответил Орлов. Его мысли были при Ашихминой в медблоке. И при этих плотоядных, пустых глазах Гончарова, которые смотрели на Сферу не как на чудо или угрозу, а как на актив. На вещь, которую можно оценить, использовать или списать. Беспокойство, знакомое ему по войне, тихо зашевелилось где-то в глубине, холодным, цепким червем. Тогда это было предчувствие засады, мины на тропе. А сейчас? Предчувствие чего-то гораздо худшего. Не взрыва, а разложения. Разложения порядка, логики, здравого смысла под тихим, неумолимым давлением этого объекта и людей вроде Гончарова, которые видели в хаосе возможность.

ГЛАВА 5: БЛИЖАЙШЕЕ СПЕЦПОДРАЗДЕЛЕНИЕ

Кубрик Артема Орлова был аскезой в подземной утопии «Зенита». Четыре метра на три, стерильно-белые стены, койка с туго заправленными простынями, стол с ноутбуком, сейф для оружия и личных вещей. Ничего лишнего. Здесь он мог на время отключиться от гудящей, насыщенной искусственными эмоциями и абстрактными тревогами атмосферы комплекса. Эта комната была его кельей, местом, где он оставался самим собой – человеком действия, загнанным в угол абстракциями, которые нельзя было ни потрогать, ни прицельно поразить.

Он снял запачканный сажей и пеной халат, включил душ и несколько минут стоял под ледяными струями, пытаясь смыть с себя не только грязь, но и липкое чувство беспомощности и грубого нарушения собственных правил. Вода, холодная и честная, была единственной субстанцией здесь, которая не требовала интерпретации, протокола или доклада. Его не пустили на совещание в кабинет начальника объекта. Статус старшего инспектора охраны уровня Л-7 оказался недостаточным для участия в решении судьбы портала в иное измерение. Ирония была горькой, но понятной. Он был инструментом, а не советником. Мечом, а не рукой, которая им размахивает. *И правильно*, – подумал он с привычной, почти мазохистской суровостью, растирая кожу жестким полотенцем. – *Меч не должен думать, куда его направили. Иначе он затупится от сомнений, потеряет остроту и в решающий момент дрогнет. Мое дело – быть остро заточенным.* Но сегодня, впервые, эта простая логика дала сбой. Он дрогнул. Не как

меч, а как человек. И теперь это воспоминание – о белом лице Ашихминой, о крови на щеке – грызло его изнутри.

Переодевшись в свежую униформу, он взглянул на часы. Совещание должно было идти полным ходом. Он принял решение, продиктованное не приказом, а тем самым смутным чувством долга, которое он не мог назвать, но которое гнало его из этой стерильной кельи прочь от самоанализа.

Медблок «Зенита» находился на уровне -1 и больше напоминал палаты частной швейцарской клиники, чем госпиталь – еще одна часть общего фальшивого благополучия. Тишина, приглушенный свет, дорогое оборудование, мерцающее диодами. Дежурная медсестра, увидев Орлова, кивнула – его уже знали здесь как человека, вытащившего Ашихмину из огня. В ее взгляде было нечто вроде профессионального уважения, смешанного с легкой брезгливостью к «силовику», нарушившему стерильность своей миссией.

– Доктор Ашихмина пришла в себя ненадолго около часа назад, – тихо сообщила сестра, сверяясь с планшетом. – Состояние тяжелое, но стабильное. Сотрясение, ушиб мозга, семь швов на виске. Сейчас под седативными. Врач сказал – не больше десяти минут, и то если она не спит.

– Спасибо, – отрывисто сказал Орлов и шагнул к двери палаты, чувствуя неловкость, будто он нарушает не только покой, но и некий неписанный протокол, отделяющий охрану от объектов охраны.

Елена лежала, приподняв изголовье, с аккуратной, давящей повязкой на виске. Лицо было болезненно-бледным, синяки под глазами проступали фиолетовыми тенями. Но глаза, те самые, умные и усталые, были открыты и смотрели в окно-экран, где по воле кого-то из персонала тихо текли кадры с морским прибоем – еще одна симуляция, еще одна красивая, бесполезная ложь для успокоения нервов.

Увидев его, она слабо улыбнулась. Улыбка была вымученной, растянутой на больном лице, но в ней не было недоброжелательства или удивления. Как будто она его ждала.

– Артем Сергеевич... Выглядите... цивилично, – сказала она, и голос ее был хриплым, слабым, но в нем пробивалась знакомая, чуть ироничная интонация, та самая, что всегда предваряла её едкие замечания по поводу неоптимальных решений.

– Елена Александровна, – он подошел, не зная, куда деть руки, и остался стоять у койки, как солдат на вытяжку, ощущая всю нелепость своей выправки в этом месте. – Как вы?

– Как после близкого знакомства с летящей панелью управления, – она попыталась пошутить, но голос был слабым, и шутка прозвучала горько и правдиво. – Говорят, вы меня вытащили. Из огня. Спасибо. Хотя, по протоколу, не должны были.

– Протокол... не предусматривает панелей, вылетающих в людей, – отмахнулся он, чувствуя глупое смущение. – Это... была ситуация.

– Ваша ситуация – тушить пожары у щитов, а не выносить из-под них полудохлых ученых, – она посмотрела на него прямо, и в ее взгляде, поверх физической боли, читалась неподдельная благодарность и усталое понимание. – Что там? Сфера? Махницкий, наверное, уже строит теории на три тома.

Орлов коротко кивнул. Он не хотел её грузить, но врать тоже не мог. – Висит. Ученые шупают. Наверху решают, что делать дальше. Приехал какой-то Гончаров из московского комитета. Решает.

– Махницкий, наверное, рвется в бой, – вздохнула она, закрывая глаза, и это движение далось ей с трудом. – А надо бы заморозить всё. Закрывать Л-7 наглухо, эвакуировать людей с уровня и ждать... месяц, два. Понять, с чем имеем дело. Изучить со всех сторон, не тыча в него палками и не отправляя туда... что? Дроны?

Её интуиция, даже в полубреду, была пугающе точной. Орлов едва не поперхнулся. – Есть и такое мнение, – уклончиво сказал он. Ему не хотелось ее тревожить подробностями о

Гончарове и его странной, пустой уверенности, которая была страшнее любой паники. – Вам надо восстанавливаться. Не думать об этом.

– Восстанавливаться, чтобы снова полезть в эту мясорубку? – она открыла глаза, и в них мелькнула знакомая ему горечь ученого, которого система гонит вперед, не давая осмотреться, заставляя прыгать через пропасти ради отчетов. – Он не слушает. Ни меня, никого. Он увидел свой шанс. Свой «прорыв». – Она помолчала, глядя на фальшивое море, которое набегало и откатывалось в бесконечном, бессмысленном цикле. – Будьте осторожны, Артем Сергеевич. То, что там появилось... оно не подчиняется нашим законам. Ни физическим, ни служебным. Оно – как дикое животное, спящее в клетке. Его можно изучать через стекло, но нельзя приручить по инструкции. А они... они попытаются его приручить. Или выпустят на волю, думая, что контролируют поводок.

Орлов хотел что-то сказать. Спросить, не нужно ли ей чего. Обещать, что будет начеку. Но слова застряли в горле, засоренном непривычной сложностью чувств и мыслей. Он лишь еще раз кивнул, твердо, по-военному, и это был его искренний, немой способ сказать: «Понял. Принял к сведению. Буду».

– Выздоровливайте, Елена Александровна. Вы здесь нужны, – сказал он и, после секундной борьбы с собой, неловко, но тщательно поправил одеяло у ее ног (жест, совершенно ему не свойственный, заимствованный откуда-то из детства, от матери), развернулся и вышел, оставив ее наедине с искусственным морем и тревожными мыслями, которые, он знал, были мудрее всех их планов и амбиций.

Тем временем в кабинете начальника объекта атмосфера была далека от морского умиротворения. Дмитрий Анатольевич Гончаров восседал во главе стола, его безупречная фигура казалась инородным, инопланетным телом среди более практичных, потрепанных жизнью и стрессом Махницкого и Степанова. Он был как сканер, пришедший оценить ущерб и решить, подлежит ли система восстановлению или проще ее заменить.

– Мы не можем рисковать бездумно, – говорил Гончаров, сложив пальцы домиком. Его голос был тихим, но заполнял собой всю комнату. – Стабильность объекта – величина гипотетическая и, судя по-вашему же отчету, Андрей Викторович, основана на краткосрочных наблюдениях. Прибытие специализированной группы из Центрального института аномальных исследований займет минимум сорок восемь часов. Они привезут оборудование, рассчитанное именно на такие... феномены, и протоколы, исключаящие человеческий фактор.

– Сорок восемь часов – это вечность! – не выдержал Махницкий. Его амбиции, подогретые первичными успешными замерах и адреналином после взрыва, уже не могли терпеть паузы, тем более такой долгой. – Каждая секунда наблюдения бесценна! Мы уже фиксируем цикличные, слабые колебания в псевдополе объекта с периодом в три часа пятнадцать минут. Что, если это прелюдия к фазовому переходу? К коллапсу? К *закрытию*? Мы должны действовать *сейчас*, пока окно возможностей не захлопнулось! Сфера – это чудо, но чудеса не вечны! Они могут испариться так же внезапно, как появились!

– Именно потому, что они не вечны, мы не должны тыкать в него палкой, как медведя в берлоге, – холодно парировал Гончаров. В его голосе не было раздражения, только железная логика. – Я предлагаю полную консервацию. Эвакуацию всего персонала из Л-7, кроме минимальной смены наблюдателей. Герметизацию уровня. Ждать специалистов с их методиками. Рисковать людьми и уникальным объектом из-за нетерпения – непрофессионально.

В этот момент Степанов, до сих пор молча слушавший и изучавший Гончарова как новый тип препятствия, тяжело оперся ладонями о стол. Стол скрипнул под его весом.

– Ждать – значит терять время и, возможно, сам объект. Но лезть руками – самоубийство. Нужны данные, но без риска для людей. У меня есть предложение. – Он выдержал паузу, давая всем осознать, что сейчас прозвучит нечто, выходящее за рамки бюрократического сценария, но не выходящее за рамки здравого смысла.

Все взгляды устремились на него. Махницкий с надеждой, Гончаров – с холодным интересом.

– Ближайшее спецподразделение, способное выполнить нестандартную задачу в сжатые сроки и с нужным инструментарием – СОБР Управления Росгвардии по Кемеровской области. Они не ученые, но они профессионалы в сборе информации в опасной среде. У них на вооружении есть бронированные разведывательные БПЛА «Птеродактиль» последней модификации. Дистанционное управление, манипуляторы, полный комплект датчиков – химических, спектральных, радиометрических. Можно запустить его в Сферу на контакт и посмотреть, что будет. Без риска для живых операторов. Ребята там профессионалы, да и спокойнее как-то будет если такие спецы будут здесь.

Гончаров замер. Его мозг работал мгновенно. Идея была логичной, эффективной и... опасной. Опасной для *его* планов и графика. Любые самостоятельные действия, особенно успешные и быстрые, увеличивали его личный контроль над ситуацией. Они также могли дать результат раньше, чем его кураторы успеют сформулировать новые инструкции.

– Силовики? Для тонкой научной работы? – он слегка усмехнулся, играя в снобизм, чтобы выиграть секунды на раздумье. – Это все равно что отправлять саперов реставрировать фарфор. СОБР Росгвардии, конечно, вызывает доверие, но речь идет о фундаментальном физическом явлении.

– А они как раз фундаментально физически развиты. – И их командир, майор Астахов – человек с опытом в «горячих точках», умеющий принимать решения в нештатных ситуациях. Они могут быть здесь с оборудованием через три часа по тревоге. Мы теряем только время на перелет. Они сделают работу чисто, соберут данные, и мы передадим их вашим специалистам, когда те приедут. Это не взаимоисключающие действия, а разумная последовательность.

Махницкий ухватился за эту соломинку, как утопающий. Для него это был хоть какой-то шанс на действие, на движение вперед, которое он так ненавидел терять.

– Идеально! Дистанционный зонд! Не человек! Мы получим данные о внутренней структуре, о том, что по ту сторону, если там есть «та» сторона! Гончаров, это разумный, взвешенный компромисс! Мы не лезем сами, мы используем инструмент!

Давление на московского гостя росло. Отказ выглядел бы нелепо, упрямо и подрывал бы его авторитет «рационального управленца». Он должен был согласиться, но оставить все нити в своих руках.

– Очень хорошо, – медленно проговорил он, делая заметку в своем планшете, но не в служебном, а в том самом, матово-черном. – Вызывайте ваше подразделение. Но с четким, прописанным регламентом, который я утверждаю лично: никаких самостоятельных действий без моего одобрения и без постоянного присутствия научной группы в качестве консультантов. Дрон – только для разведки, сбора пассивных данных. Никаких физических воздействий на объект, если я не дам прямую команду. И я информирую центр о том, что мы предпринимаем *временные, предварительные* меры для оценки стабильности объекта, не дожидаясь основной группы.

Его тон ясно давал понять: это его уступка, а не их победа. Он по-прежнему дергал за ниточки, просто теперь ниточки были подлиннее.

Степанов, скрывая удовлетворение, кивнул и вышел, чтобы сделать звонок по защищенной линии. В его голове уже строился план: парни из СОБРа надежные и знакомые на них можно положиться, и майор Астахов – профессионал старой, чекистской закалки. Они не станут лебезить перед московским чиновником, но приказ выполнят. И, что важно, быстро. Но главное их присутствие как силовая поддержка будет придавать уверенности ему как начальнику безопасности объекта.

Махницкий же, получив хоть какое-то движение, уже мысленно строил графики предполагаемых данных с дрона. Сфера ждала. И он был уверен, что она откроет им тайны Вселен-

ной. Он даже представить не мог, что тайны эти окажутся не среди звезд и уравнений, а в пыли истории, в том самом веке, из которого на них сейчас смотрели, возможно, глаза казака Евсея, видевшего рождение этого чуда.

А Гончаров, оставшись на мгновение один в кабинете, быстро, но без суеты, набрал на своем защищенном спутниковом терминале не номер в Москву, а длинную, зашифрованную последовательность. Сообщение было кратким, как всегда: «План «А» (наблюдение) под угрозой срыва. Местная инициатива – активный зонд (БПЛА) в течение 3-4 часов. Инициатор – Служба безопасности, местные силовики при поддержке Москвы. Требуется инструкции по контролю над ситуацией и приоритету в получении/копировании данных. «Переплётчик».

Он отправил его и уставился в стену, за которой гудел комплекс. Его лицо оставалось бесстрастным, но внутри все было ясно. Игра усложнилась, но не испортилась. Нужно было быть готовым ко всему. Главное – данные. Они должны были уйти по нужному адресу.

ГЛАВА 6: ГЛАЗА «ПТЕРОДАКТИЛЯ»

Гул винтов черного «Ми-8» Росгвардии нарушил гнетущую тишину над комплексом «Зенит», но не над ним самим – звук не проникал вглубь гранита. Вертолет, словно хищная стрекоза, завис над посадочной площадкой и, подняв вихрь снежной пыли, приземлился с точностью, говорившей о высоком классе пилота. Из него вышли двое. Они не походили на ученых, не походили на охранников. Они были чем-то третьим – людьми действия, пришедшими в мир абстракций, где главной угрозой был не снайпер, а нарушение законов физики.

Майор Астахов был человеком из стали и гранита. Лет пятьдесят, коротко стриженные седые волосы, лицо, не располагающее к улыбкам, с сетью мелких морщин вокруг глаз – от постоянного всматривания вдаль, в мониторы, в прицелы. Его взгляд моментально оценил периметр, вышки, дислокацию часовых – все, без единого слова, составив мгновенную тактическую карту. За ним, таща два тяжелых анодированных кейса, шел Глеб Егоров с позывным (Егорыч), он был моложе, с открытым, энергичным лицом и внимательными глазами оператора, привыкшего к многочасовым наблюдениям за экраном, где жизнь сводилась к пикселям и телеметрии, а смерть – к сигналу «потеря связи».

– Ну повет земляк! – офицеры широко улыбнулись, заметив Ивана Степанова, вышедшего их встречать. Они обнялись крепко, по-фронтовому, похлопывая друг друга по спине. В этом жесте была вся простота мужского мира, чуждого подземным лабиринтам «Зенита» и его призрачным угрозам.

– Егорыч, – кивнул Степанов. – Привез игрушку?

– В лучшем виде. Майор, разрешите?

Астахов кивнул, и Глеб, не теряя времени, вскрыл кейсы прямо на летном поле, не обращая внимания на стерильность и паранойю объекта. Оттуда, словно хищная птица из гнезда, был извлечен «Птеродактиль». БПЛА был невелик, но солиден: бронированный корпус из композитов, шесть несущих винтов в кольцевых обтекателях, множество камер (оптических, тепловизионных, спектрометрических) и сенсоров, а внизу – манипулятор с захватом, похожий на клешню краба. Игрушка для мальчиков, которая могла убить или увидеть то, что не дано увидеть человеку. Глеб провел быструю диагностику, его пальцы летали по контроллерам – все системы в норме.

Через час в обстановке строгой секретности дрон был доставлен в Л-7. Воздух в лаборатории сгустился от напряжения, смешанного с новым, острым любопытством. Махницкий и его ученые, включая бледного, но уже вернувшегося к работе Гордеева, столпились у мониторов. Гончаров стоял чуть в стороне, его лицо – маской полного внимания, но в позе читалась готовность в любой момент взять управление на себя, перехватить инициативу. Орлов и Степанов обеспечивали безопасность, их глаза металась между Сферой и людьми, выискивая малейший признак паники или нештатной ситуации. Орлов особенно внимательно следил за Гончаровым – тот был слишком спокоен.

Глеб Егоров устроился на импровизированном командном пункте, надел очки виртуальной реальности и взял в руки контроллеры – продолжения его собственных рук. Майор Астахов стоял за его спиной, молчаливый и наблюдательный, как тень, готовый в любой момент отдать команду на отмену.

– Запускаю, – спокойно сказал Глеб, и «Птеродактиль» с тихим, деловым жужжанием оторвался от пола. Звук был неестественным в этой комнате, где до сих пор господствовал гул стационарных машин и тихий трепет перед чудом.

Дрон завис перед Сферой. На экранах передавалось поразительное изображение: переливающаяся, не-поверхность, поглощающая свет датчиков, не дающая никакого внятного отражения. Никакого теплового следа, никакого магнитного поля в привычном понимании. Это была стена из ничего, окно в никуда.

– Иду на контакт, – предупредил Глеб.

Манипулятор медленно протянулся и коснулся поверхности. Та же реакция, что и у Гордеева: упругое сопротивление, вспышка холодного белого света, бегущие концентрические круги – будто Сфера вела один и тот же, заученный диалог с любым, кто осмеливался ее потрогать. Записи данных пошли потоком.

– Тактильное давление – 42 условные единицы. Проникновение невозможно, – доложил Глеб, голос ровный, без разочарования. – Пробую мягкий, постоянный напор. Винты на 30%.

«Птеродактиль» на несколько сантиметров приблизился к Сфере и мягко уперся в нее всеми винторами, создавая небольшое, но постоянное давление. На долю секунды ничего не происходило. А затем поверхность Сферы... *подалась*. Это не было поглощением в агрессивном смысле. Она не разорвалась, а словно обволокла дрон, втянула его внутрь, как вода – камень, без усилия, почти нежно, беззвучно. На экранах мониторов в лаборатории изображение с камер «Птеродактиля» исчезло, сменившись черным экраном и надписью «SIGNAL LOST». Связь прервалась не с треском и помехами, а чисто, как будто дрон перестал существовать в этой вселенной.

Тишина повисла тяжелым свинцом. Все смотрели на черный экран, будто ожидая, что вот-вот что-то проявится. Глеб не снимал очков, его пальцы замерли на контроллерах, он пытался поймать хоть какой-то отклик, хоть шум в эфире.

– Полная потеря сигнала по всем каналам, – сухо констатировал он через минуту, снимая очки. На его лице было сосредоточенное сожаление оператора, потерявшего дорогой инструмент, но не паника. – Ни телеметрии, ни видео, ни аудио. Объект поглотил аппарат без следа.

Махницкий выдохнул разочарованно, рука непроизвольно сжалась в кулак. Гордеев понуро опустил голову. Еще одна стена. Еще одна неудача. Дверь оказалась непроницаемой.

Но через три минуты семнадцать секунд черный экран ожил. Изображение было засвеченным, нестабильным, рябило, будто передача шла сквозь мощные помехи, сквозь саму ткань реальности, через слои шума и искажения. Но на нем *что-то* было. Глеб бросился к настройкам, его пальцы залетали по клавиатуре, стабилизируя картинку, ловя и очищая сигнал, который шел на совершенно других, не зарегистрированных частотах.

– Связь... восстановлена! Но это не наши протоколы! Сигнал был подавлен на время полного перехода объекта через границу раздела. Как будто он проваливался в яму, а теперь, стабилизировавшись по ту сторону, нашёл новый путь. Работает на частотах, которые эта аномальная среда пропускает лучше других. На экране проступил пейзаж. Не лаборатория. Не знакомые стены. Выжженная солнцем степь, ковыль, колючки. На горизонте – деревянные столбы и бревенчатые стены свежесрубленного укрепления. По небу плыли облака непривычной, «настоящей» формы, не симулированные, с той хаотичной красотой, которую не мог повторить никакой алгоритм. Солнце стояло низко, бросая длинные, резкие тени. Это была не графика. Это была реальность, но чужая.

– Что за локация? – пробормотал Махницкий, придвигаясь ближе, его глаза выхватывали детали. – Это не Кузбасс. Равнина, никаких гор... архитектура...

– GPS не работает, – сказал Глеб, безуспешно тыча в кнопки. – Спутниковый сигнал отсутствует. Вообще. Но визуально... это похоже на какую-то старую крепость. Очень старую. Типа... исторической реконструкции, но слишком детальной.

В этот момент в кадр попали люди. Двое, в длинных, неуклюжих кафтанах, с длинными ружьями на плечах. Они шли, оглядываясь, их лица, повернутые к камере «Птеродактиля», выражали изумление и суеверный ужас. Они что-то кричали, но звука не было – аудиоканал был потерян в помехах. Один из них указал пальцем прямо в кадр, его рот был открыт в немом крике.

– Костюмы... – прошептала Виолетта, вжавшись в монитор, ее лицо побелело. – Это... это XVIII век, точно. Казаки или солдаты гарнизонной службы. Такие, как в музеях... но живые. Движения... слишком естественные.

– Невозможно, – огрызнулся Махницкий, но в его голосе уже не было прежней уверенности. Он смотрел на экран, и его мозг, привыкший к формулам, отчаянно пытался найти логичное объяснение. Галлюцинация? Массовый психоз? Но дрон был их, сигнал шел явно не из этой реальности... – Атмосферный анализ! Быстро! Какие датчики живы?

Кристина, уже подключившаяся к каналу телеметрии дрона, зачитала данные, голос ее дрожал от попыток сохранить профессиональный тон, но срывался на высокой ноте: – Состав воздуха... Азот – 78%, кислород – 21%, аргон – 0.9%. Чистый. Углекислого газа – 280 частей на миллион. Примеси промышленных выбросов – нулевые. Фоновая радиация – на уровне естественного фона. Это... это воздух доиндустриальной эпохи. Таким он был до сжигания угля и нефти в глобальных масштабах. Такого сейчас на Земле нет. Нигде.

В лаборатории воцарилась мертвая тишина, которую нарушил только ровный, холодный голос Гончарова. Он не выглядел удивленным. Он выглядел так, словно получил подтверждение гипотезы, которую уже рассматривал. – Всем сохранять спокойствие и оставаться на местах. Никаких обсуждений за пределами этой комнаты. подполковник Степанов, обеспечьте режим полной звукоизоляции. – Он сделал паузу, глядя на экран, где теперь казак в кафтане пытался заглянуть за «Птеродактиль», не решаясь подойти ближе. – Я немедленно докладываю в центр. Все полученные данные – под грифом «Особой важности».

Он удалился в свой кабинет. Его отчет в Москву был точен, лишен эмоций, но в нем четко прослеживалась рекомендация: полная изоляция объекта и всех причастных лиц, включая прибывших силовиков, до выяснения всех обстоятельств и прибытия «тяжелой» команды из ЦИАИ. Параллельно, с того же терминала, ушел другой, более короткий и технически насыщенный отчет. В нем были ключевые параметры сигнала, частота, описание помех и точные координаты, вычисленные по астрономическим данным с камер дрона (положение солнца, тени). Адресат – «Стоунхендж». Сообщение заканчивалось фразой: «Гипотеза «Хронос» подтверждена. Точка доступа активна. Требуется план «В».

Ответ из Москвы пришел быстро и был однозначен: «Утверждаем режим полной изоляции «Зенита». Никаких перемещений персонала. Прибывших сотрудников Росгвардии включить в контингент изоляции. Ожидать группу «Эталон» через 24 часа».

Но пока этот приказ доводился до Степанова и ошеломленного Астахова (Глеб лишь пожал плечами: «Командир, куда денемся-то, здесь хоть кормят. Да и интересно...»), в лаборатории произошел переворот иного рода. Интеллектуальный. Неопровержимые данные сломали барьер неверия.

Махницкий, изучив все данные с дрона – видео, атмосферный анализ, спектральные данные незнакомого неба, даже состав пыли на объективе – собрал своих ученых в углу, подавившись от ушей силовиков. Его глаза горели лихорадочным блеском.

– Коллеги, – его голос гремел шепотом, перекрывая сдержанный гул обсуждений. – То, что мы видим – не фальсификация. Не галлюцинация. «Птеродактиль» прошел через портал. И портал ведет не в другое измерение в абстрактном смысле. Он ведет в *прошлое*. В конкретную точку пространства-времени: юг России, середина XVIII века, ориентировочно 1760-е годы, судя по архитектуре и костюмам. Стабильность Сферы – вопрос. Она возникла в результате нашего эксперимента, она может исчезнуть так же внезапно. У нас есть окно. Окно в историю! Мы *обязаны* его использовать! Консервация и ожидание комиссии – это преступление перед наукой! Мы должны отправить туда группу. Теперь, пока связь с дроном еще есть, пока мы видим ту сторону, пока портал стабилен! Представляете какой это фурор мы первооткрыватели думаю это более значимо чем полет в космос!

Его пыл, подкрепленный неопровержимыми доказательствами на экране, подхватили Гордеев, Виолетта, Кристина. Даже самые осторожные стали склоняться на его сторону. Аргумент о возможном закрытии портала был слишком весом. Что, если через сутки Сфера исчезнет, и они навсегда потеряют шанс ступить на землю другого времени? Этот коллективный научный азарт, переросший в требование, был донесен до Гончарова. Тот выслушал, его лицо оставалось непроницаемым, но внутри он делал стремительные расчеты. Полный запрет сейчас вызовет бунт ценных кадров и сорвет любые дальнейшие планы. А контролируемая экспедиция... это шанс. Шанс получить уникальные данные первыми. Данные, которые можно будет продублировать и отправить не только в Москву. Возможность увидеть своими глазами (или глазами своих людей) то, что происходит по ту сторону. Возможность, быть может, найти там что-то, что усилит его позиции в игре, которую он вел. Или, наоборот, – безопасно ликвидировать саму возможность таких экспедиций в будущем, если этого потребуют инструкции.

Он вышел на связь с центром. В этот раз его доклад был иным. Он говорил о «критической необходимости проверить гипотезу на месте во избежание необратимой потери уникального объекта», о «моральном состоянии научного коллектива, готового на неповиновение в случае дальнейшего бездействия», о «возможности установить контроль над аномальной зоной по ту сторону и не допустить непредсказуемого развития событий (например, проникновения исторических лиц в наш временной континуум)». Он играл на амбициях и страхах московского руководства, и сыграл виртуозно.

Разрешение пришло. Скучное, полное оговорок, но – разрешение. «Утверждаем направление разведывательной группы минимального состава. Цель: подтверждение данных, установка маяка, первичная оценка угроз. Состав группы: три научных сотрудника, два оператора охраны объекта. Полный контроль со стороны представителя Координационного комитета (Гончаров). Использование прибывших сотрудников Росгвардии для усиления охраны объекта «Зенит» и в качестве резерва».

Махницкий, получив эту шифровку, позволил себе редкую, торжествующую улыбку. Дверь была приоткрыта. Теперь нужно было сделать шаг. Первый шаг человека в неизвестное прошлое. Он уже видел себя Колумбом новой, временной эры.

А Гончаров, отправив копию приказа по-своему, особому каналу, с удовлетворением подумал, что игра вступает в самую интересную фазу. Теперь у него будет не только теория, но и практика. И возможность направить ее в нужное для его настоящих хозяев русло. Он посмотрел на экран, где застыло изображение испуганного лица человека из XVIII века, и принял решение.

ГЛАВА 7: БРИФИНГ У БЕЗДНЫ

Майор Астахов не был человеком, который легко принимал роль статиста, декорации на фоне ученых споров. Узнав о разрешении на экспедицию, но не увидев в приказе себя и своих людей в основной группе, он нашел Гончарова в его кабинете и встал напротив, жестко, как на докладе, но с вызовом в прямой, неотрывной позе. Он не был похож на просителя. Он был похож на специалиста, указывающему на просчет в плане операции.

– Товарищ Гончаров. Научные кадры – ценность. Охрана объекта – профессионалы своего дела. Но для работы по ту сторону, в неизвестных, потенциально враждебных условиях, где угроза исходит не только от людей, но и от среды, от времени, от самой непредсказуемости ситуации – нужны специалисты иного профиля. Мои люди. СОБР. Мы двадцать лет отрабатывали действия в нештатных ситуациях: заложники, террористы, ЧС. Мы умеем действовать в условиях информационного вакуума, собирать данные под угрозой, обеспечивать безопасность периметра и, если что, – прикрыть отход и эвакуировать раненых. Трое ученых и двое ваших охранников – это не группа, это мишень. Легкая добыча для любого, кто там есть и сочтет их угрозой или диковиной. Они не выживут без прикрытия.

Гончаров смотрел на него, оценивая. Внутренне он соглашался. Неконтролируемая группа ученых, подвижных любопытством, могла натворить чего угодно и сорвать все планы. А дисциплинированные силовики, особенно если один из них (сам Астахов или его доверенный человек) будет под его негласным влиянием... это инструмент куда более точный и управляемый. К тому же, присутствие СОБРа усилит легитимность экспедиции в глазах Москвы – мол, приняты все меры безопасности. И если что-то пойдет не так, виноваты будут «военные, не справившиеся с обеспечением».

– Ваши конкретные предложения, майор? – спросил он, дав понять, что слушает, но не обещает.

– Минимальная группа обеспечения из четырёх бойцов во главе со мной. Капитан Кольцов – командир на месте, человек с опытом в Сирии, холодная голова. «Стрелок» – снайпер, может работать не только как стрелок, но и как наблюдатель, разведчик. «Саян» – сапёр-подрывник, специалист по нестандартным устройствам и установке оборудования (ваш маяк – его профиль). «Док» – медик-спецназовец, знает не только как перевязать, но и как вытащить под огнем. Итого – пять человек силового обеспечения, включая меня. Плюс оператор дрона Степанов Г. остаётся здесь, на связи, координирует с этой стороны. Мы обеспечим жёсткий контроль на месте: периметр, разведку, безопасность учёных во время работы. Они делают свою работу под нашим прикрытием. А в случае угрозы – мы становимся щитом и кулаком.

Гончаров сделал вид, что раздумывает, хотя решение уже созрело. На самом деле он уже просчитывал, как представить это Москве как «усиление мер безопасности по настойчивой рекомендации командира приданного подразделения Росгвардии и в целях минимизации рисков утраты уникальных научных кадров».

– Согласен. Вызывайте ваших людей. Но помните – конечные цели определяет научная группа и я. Ваша задача – обеспечение и сбор сопутствующей информации обстановки. И ещё... – он сделал паузу, глядя Астахову прямо в глаза, пытаясь прощупать глубину, найти слабинку или, наоборот, точку опоры, – полная лояльность. Не команде учёных, не подполковнику Степанову, а миссии в целом. Как её видит и направляет центр. Всё, что происходит по ту сторону, все данные – через меня. Понятно?

– Так точно, – отрезал Астахов, прекрасно понимая подтекст: «будь моими глазами и руками там, и доложишь мне, а не Махницкому». Он не был в восторге от Гончарова, от всей этой секретности и игры в ученых, но приказ есть приказ, а задача – святое. И он будет ее выполнять, как умеет. Но в его голове уже щёлкнул тумблер: этот чиновник что-то затевает. Нужно быть начеку вдвойне.

Новый «Ми-8» доставил в «Зенит» четвёрку бойцов ночью, под прикрытием метели, которая только начинала разыгрываться. Они вышли подчищенные, подтянутые, с нейтральными, ничего не выражающими лицами, но глазами, которые мгновенно, без видимого усилия, сканировали всё вокруг, оценивая угрозы, укрытия, расстояния, психологическое состояние встречающих. Капитан Артём Кольцов, их командир, был на вид спокойным и даже слегка усталым, но в его медленных, экономичных движениях чувствовалась мощь сжатой пружины, готовая развернуться в долю секунды. Представились скупой: Кольцов, «Стрелок» (снайпер,

худощавый и недвижимый, как камень), «Саян» (сапёр, с умными, быстрыми глазами, уже изучавшими конструкцию шлюзов), «Док» (медик, с широкими ладонями и внимательным, диагностским взглядом). Их быстро разместили в изолированном секторе рядом с росгвардейцами Астахова и Глеба, создав таким образом силовой анклав внутри научного комплекса – государство в государстве.

Пока шло это усиление, в лаборатории Л-7 кипела другая работа. Гордеев, Виолетта и Кристина, под присмотром Махницкого, судорожно, но тщательно документировали всё, что касалось возникновения Сферы. Логи с серверов эксперимента «Колыбель», показания датчиков за микросекунды до аварии, спектральный анализ вспышки, остаточные излучения. Они строили теории, одна безумнее другой, пытаясь найти ключ к стабильности портала: «стабилизированная кротовая нора с макроскопическим проявлением, удерживаемая неизвестным полем», «пространственно-временная складка, закреплённая выбросом квантовой энергии в точке с естественной аномалией», «гипотетический объект класса «стабильная сингулярность», возможно, связанный с тёмной энергией». Все отчёты, черновики, расчёты стекались к Махницкому, а тот, в свою очередь, докладывал Гончарову, стараясь представить хаос как стройную систему и выбить ресурсы для экспедиции.

Гончаров изучал эти отчёты с двойным, тройным вниманием. Часть, тщательно отфильтрованную и упакованную в папку «Приоритет: Москва», он шифрованным каналом отправлял в Москву, Волкову. Другую часть, более сырую, но содержащую ключевые параметры энергетического воздействия, приведшего к разрыву, он аккуратно перепаковывал в иной формат и, используя глубоко запрятанное в прошивке своего планшета ПО, отправлял по-другому, ещё более скрытому каналу. Адресат там обозначался лаконично: «Лондон, ячейка «Стоунхендж». Его донесение заканчивалось фразой: «Практическая фаза начинается. Готовлю почву для извлечения образцов и данных. Требуются дальнейшие инструкции по работе с местными активами в прошлом. Кодовое слово для связи: «Зодиак». Ответ пришёл быстро, как всегда: «Одобряем. Приоритет – неопровержимые доказательства перемещения (видео, образцы). Второй приоритет – технологические артефакты из точки прибытия, если таковые будут. Держите канал открытым. Удачи, «Переплётчик». Гончаров («Переплётчик») стёр сообщение без эмоций, как стирал пыль со стола. Игра шла по плану.

Брифинг для всей сводной группы провели в зале для совещаний на уровне -2. В комнате стояла напряженная, почти осязаемая тишина, которую не могли разрядить даже привычные звуки системы вентиляции. С одной стороны стола – учёные: Махницкий (ведущий, восседающий как триумфатор, но с тенью усталости под глазами), Гордеев (бледный, сосредоточенный, грызущий колпачок ручки), Виолетта (с горящими глазами, но с дрожащими руками), Кристина (сжатая, как пружина, всё проверяющая по списку). С другой – силовой блок: майор Астахов (общее руководство силами, лицо гранитное), капитан Кольцов (командир группы на месте, спокойный и опасный), его четверо бойцов, подполковник Степанов и Орлов (обеспечение тыла и шлюза, лица напряжённые). Во главе стола, отчуждённо, как судья или режиссёр, сидел Гончаров.

Махницкий начал, его голос дрожал от возбуждения, которое он тщетно пытался облечь в сухие формулировки: – Коллеги. Товарищи. Данные с БПЛА «Птеродактиль» не оставляют сомнений. Объект «Сфера» является стабильным пространственно-временным порталом. Координаты точки выхода: южные рубежи Российской Империи, район строящейся крепости Моздок. Временной отрезок – 1763 или близкий к нему год, осень. Задача группы – переход, подтверждение данных визуально и инструментально, установка маяка обратной связи, первичная разведка в радиусе не более пятисот метров от точки перехода. Срок пребывания – не более шести часов по нашему субъективному времени. Далее – возврат для анализа и решения о дальнейших действиях.

Астахов тяжело поднялся, его стул скрипнул: – Уточняющие вопросы. Угрозы по ту сторону? Потенциальные, помимо местных жителей.

– Вероятные, – взял слово Гордеев, стараясь говорить так же четко, как военные, но голос предательски дрогнул. – Местное население: казаки, солдаты гарнизона, возможно, кочевые народы. Огнестрельное оружие того времени – мушкеты, пищади. Дальность эффективная – до 100 метров, скорострельность низкая, точность – ещё ниже. Но на ближней дистанции смертоносны. Холодное оружие – сабли, пики, ножи. Также – дикие животные. И главное – инфекции. Наши иммунитеты не готовы к микробиоте XVIII века. И наоборот – мы можем быть носителями вирусов, к которым у них нет защиты. Поэтому – минимальный контакт, респираторы, перчатки.

– Окружающая среда? Яды, аллергены? – спросил «Док», его голос был низким и деловым, словно он спрашивал про район в горах.

– Воздух чист, как показал анализ, – ответила Кристина. – Но пыльца, споры грибов – неизвестны. Антигистамины и широкий спектр антибиотиков – в аптечке. И вода – только своя, из запасов. Ничего местного в рот не брать.

– Цели, кроме разведки? Забор образцов? – спросил Кольцов спокойно, как будто речь шла о вылазке в соседний лес за грибами.

– Научные образцы, – сказала Виолетта, кивая. – Почва, растения (стебли, листья, без выкорчёвывания), возможно, мелкие, потерянные артефакты времени – обломок керамики, пуговица, монета (но только если она валяется явно потерянная, не в культурном слое). Всё – минимальных размеров, для лабораторного анализа. Ничего, что может быть замечено как пропажа.

– Правила применения силы? Контакт с местными? – встрял «Стрелок», его голос был тихим, холодным и очень четким, как щелчок затвора.

Гончаров впервые вмешался, и все взгляды тут же обратились к нему: – Только в случае прямой, смертельной угрозы жизни членов группы. Максимальная скрытность. Ваша задача – не завоёвывать прошлое, не менять его, а изучить. Любое убийство, любой контакт, оставшийся в истории, любое внедрение артефакта – это непредсказуемые последствия, «эффект бабочки». Вы – призраки. Вас не должно было быть. Вас не должны запомнить. Идеально – если вас вообще не увидят. Маскировка, бесшумное движение, уход от встреч.

– Экипировка? Оружие, снаряжение, – спросил «Саян», его пальцы уже по привычке перебирали невидимые инструменты.

– Полный полевой комплект СОБРа, но с ограничениями, – отчеканил Астахов. – Только бесшумное оружие (пистолеты, ПБ). Ножи. Никаких автоматических винтовок, гранат, ничего, что оставит следы, звуки или повреждения, необъяснимые для той эпохи. Плюс научное снаряжение, паёк, вода, медикаменты, золотые царские червонцы для возможного бартера (их проверили историки, подлинные, но лучше не использовать), копии карт местности XVIII века. И главное – маяк, который установите у точки перехода. «Саян», это твоё.

– А если портал закроется? – тихо, но внятно спросил Орлов, сидевший с краю, в тени. Его вопрос повис в воздухе, как холодный нож. – Пока мы там, а здесь... что-то случится со Сферой? Обратной дороги может не быть?

Все замолчали. Самый главный, невысказанный страх, который грыз каждого, был озвучен. Махницкий побледнел, его уверенность дала трещину. Он посмотрел на Гордеева.

– Это главный риск, – признал Гордеев, глядя на стол. – Теории нет. Мы не знаем, что стабилизирует Сферу, сколько она просуществует. Поэтому временной лимит. И маяк. Его должен установить «Саян». Это квантовый маяк, он будет транслировать сигнал сквозь пространственно-временной разрыв. И если визуальная связь прервётся... теоретически, по этому сигналу можно будет сориентироваться для... обратного перехода вслепую. Но гарантий нет. Это гипотеза.

– Значит, обратной дороги может и не быть, – констатировал Кольцов. Не как вопрос, а как факт, который необходимо принять и с которым жить.

– Да, – тихо, но четко сказал Гончаров. – Может и не быть. Поэтому каждый шаг – взвешен. Каждое решение – общее. Любая самостоятельность может стать фатальной для всех. – Он обвёл всех взглядом, пытаясь впечатать это в сознание. – Экспедиция утверждена на самом высоком уровне. Вы – первые. Пионеры. От ваших действий зависит не только ваша жизнь, но и... будущее наших знаний. И, возможно, нечто большее. Подготовка – двенадцать часов. Выдвижение – в 08:00 по местному времени. Всем ясно?

В комнате прозвучало нестройное, но твердое «ясно». Учёные смотрели с азартом, приглушенным леденящим страхом и грузом ответственности. Бойцы – с холодной, профессиональной концентрацией, уже мысленно проигрывая сценарии, оценивая риски. Орлов искал глазами Степанова – в его взгляде читалась тревога за всех, кто уйдёт в эту бездну и некоторая зависть, это было видно по блеску в его глазах, ему тоже хотелось поучаствовать в этой чего там говорить, аванюре. А Гончаров, собирая бумаги, думал о другом. О том, как бы передать «Стоунхенджу» точные параметры маяка и частоту его сигнала. И о том, что где-то там, в XVIII веке, должны быть (или скоро появятся) люди, которые ждут не просто призраков из будущего, а конкретных людей с конкретными инструкциями. Инструкциями, которых нет в официальном брифинге. Слово «Зодиак» было ключом. Кто там его произнесет? Казак? Монах? Купец? И что они будут должны сделать? Помочь? Или помешать?

ГЛАВА 8: ШТОРМ НАД РАВНИНОЙ

Москва. Здание на Старой площади. Кабинет №407.

Доклад Гончарова лег на стол человеку, чье имя редко фигурировало в каких-либо открытых протоколах. Его звали Александр Леонидович Волков, и он курировал межведомственный комитет по «специальным научным проектам» – эвфемизм для всего слишком странного, опасного или многообещающего, чтобы доверять это кому-то одному. Прослушав краткое резюме от подчиненного и просмотрев выжимку из данных по «Сфере» и видео с «Птеродактиля», Волков несколько минут молча смотрел в окно на ночную Москву, на ее огни, которые казались такими прочными и незыблемыми. Сейчас они казались ему иллюминацией на палубе тонущего корабля.

«1763 год. Моздок. Стабильный портал», – эти слова крутились в голове, обрастая немислимыми последствиями, как снежный ком. Военные из Генштаба, узнав, начнут кричать о стратегическом преимуществе, о возможности корректировки истории, «упреждающих ударах» по прошлому, устранении угроз в зародыше. Академики из РАН – о величайшем открытии со времен теории относительности, о Нобелевских премиях и новом этапе познания. А ему, Волкову, предстояло все это балансировать, как жонглер шариками с нитроглицерином, и главное – держать в тайне от всего мира. Один неверный шаг – и мир рухнет в хаос переписывания истории, гонки временных вооружений, парадоксов, которые могут разорвать саму ткань причинности. Или привести к тому, что его собственная должность, его власть, его мир перестанут существовать, потому что кто-то в прошлом вовремя нажмет на курок.

Он отдал три распоряжения своему помощнику, не повышая голоса, но каждое слово было весомо, как приговор:

Подготовить для Совета Безопасности и Минобороны предельно урезанный, «сказочный» доклад о «новом физическом явлении с невыясненными свойствами, требующем дальнейшего изучения в условиях строгой изоляции», без единого упоминания временного фактора. Пусть думают, что это какая-то новая энергия или аномальное поле, вроде Тунгусского феномена.

Сформировать и отправить группу «Эталон» из ЦИАИ, как и планировалось, но с усиленным военным сопровождением и полномочиями взять объект под полный контроль вплоть

до физической ликвидации – объекта, комплекса или людей, если ситуация выйдет из-под контроля.

Немедленно запустить протокол «Тишина»: полное информационное эмбарго вокруг «Зенита» и всей Кемеровской области под легендой о масштабных учениях с применением новейших средств РЭБ, «вызывающих временные сбои в связи и навигации на период до двух недель». Все запросы – от местных властей до любопытных журналистов – блокировать на подлете.

«Гончаров действует правильно, хоть и слишком самостоятельно, – подумал Волков, глядя на застывший кадр с лицом казака. – Надо проверить гипотезу на месте. Получить неопровержимые доказательства. Но если они не вернутся... если портал выйдет из-под контроля и начнет, например, расширяться... объект «Зенит» придется ликвидировать вместе со всеми свидетелями. Герметично и навсегда.» Эта мысль не вызвала у него эмоций. Это была просто рабочая опция, прописанная в инструкции к проектам уровня «Особый». Жаль, конечно, людей, ученых. Но история, вернее, ее неизменность и безопасность государства, дороже. Он взял красный карандаш и обвел на карте район «Зенита». Рядом стояла пометка: «Вариант «Гранит» – термоядерная ликвидация объекта на глубине. Глубина залегания допускает. Последствия – локальное землетрясение, радиоактивное заражение в радиусе 5 км. Легенда – подземный ядерный взрыв в мирных целях, пошедший не так.»

Лондон. Офис в неоготическом здании недалеко от Темпл.

Здесь доклад «Переплётчика» (так в файлах значился Гончаров) вызвал не раздумья, а немедленную, акустическую деятельность. Его принял мужчина, представленный как «Мистер Эдгарс». Он сразу связался по защищенной линии с человеком в Вашингтоне, чей голос был искажен шифратором до металлического скрежета.

– «Стоунхендж» подтверждает, – сказал Эдгарс, отчеканивая слова. – Русские не просто наткнулись на аномалию. Они создали управляемую дверь в прошлое. И собираются в неё войти. Первая контактная группа уже сформирована, включает военных.

– Координаты и эпоха? – спросил американец без предисловий, как будто спрашивал прогноз погоды.

– Юг России, 1763 год, по данным дрона. Крепость Моздок. Это период активной экспансии Российской империи на Кавказ, борьба с Персией и Османской империей. Ключевая точка. Если они укрепятся там, даже символически, установят постоянный канал...

– Цели «Переплётчика» на месте? Его возможности?

– Закрепиться, получить неоспоримые доказательства для нас, найти и активировать точку опоры в прошлом для возможного... долгосрочного воздействия. Он просит инструкций и поддержки на месте через сеть.

Последовала пауза, заполненная легким шипением помех, за которыми чувствовалось напряжение.

– Инструкция первая: собрать все что можно от чертежей до температуры воздуха в их лаборатории все что хоть как-то влияло на появление феномена. Документировать все что они делают в то числе и там за порогом, и конечно своевременно передать нам. Инструкция вторая, главная: в случае установления постоянного контроля с порталом быть готовым уничтожить лабораторию. «Переплётчик» должен быть готов к этому. К самому крайнему варианту, включая подрыв объекта изнутри. План «Аннигиляция».

– Понимаю, – кивнул Эдгарс, его лицо оставалось каменным, но в глазах мелькнуло что-то вроде удовлетворения. – Мы активируем сеть «Наследие» в регионе. И подготовим легенду на случай утечки информации: русские эксперименты с климатическим или геофизическим оружием вызвали локальный пространственно-временной разлом. Наши СМИ уже имеют нужные наработки.

Закончив разговор, Эдгарс отправил зашифрованное послание Гончарову, используя тот же канал: «Одобряем план. Действуйте. Приоритет: доказательства, артефакты, саботаж постоянного контроля. Будьте готовы к приказу на ликвидацию объекта «Сфера» в случае поступления такого приказа. Удачи.»

Комплекс «Зенит». Уровень -2. За 6 часов до выдвижения.

Подготовка шла полным ходом, но в воздухе висела новая, непредвиденная помеха. Не из прошлого, а из настоящего, из самого что ни на есть обычного и неумолимого мира.

Подполковник Степанов, сверяясь с метеоданными с поверхности, вошел в помещение, где шла упаковка снаряжения. Лицо его было озабоченным, по-настоящему озабоченным, что для него было редкостью.

– Проблема, – коротко бросил он, обращаясь к Астахову и Гончарову, которые обсуждали последние детали. – Над всей ЗападноСибирской равниной застыл циклон. Мощный, малоподвижный. Сейчас над нами свирепствует снежная буря, граничащая с пургой. Видимость ноль, ветер под 25 метров в секунду, порывами до 35. Все аэродромы в радиусе 500 км закрыты. Ни взлететь, ни сесть. Даже мы не смогли бы сейчас вывезти кого-то вертолетом, не рискуя жизнью экипажа.

Гончаров нахмурился, в его бесстрастном лице мелькнула тень не раздражения, а быстрой переоценки обстановки. Метель была и угрозой, и возможностью.

– Группа «Эталон» из Москвы?

– Их самолет развернули на подлете к Новосибирску. Посадка невозможна. Они будут в кольце бурана, пока циклон не уйдет на восток. Метеорологи дают прогноз – не менее 36-48 часов. А может, и больше, если циклон встанет колом.

– Значит, мы остаемся без подкрепления и прямого надзора из центра на неопределенный срок, – констатировал Махницкий, в чьем голосе странным образом прозвучало не разочарование, а облегчение и даже торжество. Теперь некому было мешать, оглядываться, ждать указаний. Он был тут хозяином. – Это меняет ситуацию.

– Не совсем без надзора, – холодно заметил Гончаров, но в душе этот форс-мажор был ему только на руку. Больше свободы действий. Меньше свидетелей из центра. Полная изоляция для его собственных планов. – Но факт остается: группа «Эталон» задержана. Мы действуем в рамках ранее данного разрешения, которое не было отменено. Более того, погода на нашей стороне в другом смысле – никакие спутники-шпионы, никакие случайные наблюдатели, любопытные рыбаки или грибники не разглядят необычную активность на подъездах к «Зениту» сквозь эту белую тьму. Мы полностью изолированы и от внешнего мира, и от посторонних глаз. Это идеальные условия для миссии.

– Значит, график экспедиции не меняется? – уточнил Кольцов, проверяя работу лазерного целеуказателя на своем бесшумном «Гюрзе». Он спросил так, будто буря была мелкой неприятностью вроде дождя на пикнике.

– Не меняется, – подтвердил Гончаров. – Буря – наш союзник в обеспечении секретности. Она изолирует нас еще надежнее. И, что важнее, дает нам дополнительное время – те самые 36-48 часов – до прибытия комиссии. Время, которое мы можем использовать с максимальной эффективностью. Работаем по плану. Ускоренными темпами.

В отсеке для ученых царил своя, особая атмосфера – смесь предстартовой лихорадки и глубокой, почти истерической сосредоточенности. Гордеев, Виолетта и Кристина упаковывали оборудование в противоударные, экранированные кейсы: портативные спектрометры и хроматографы, миниатюрные дроны-квадрокоптеры (маленькие, с бесшумными электромоторами, с камерами высокого разрешения и ИК-подсветкой), стерильные пробирки и скальпели, планшеты с закачанными архивами по истории, картографии, этнографии и языку XVIII века, портативные генераторы на радиоизотопных элементах.

– Я беру полное собрание указов Екатерины II и «Историю Государства Российского» Карамзина в электронном виде, – неуверенно сказала Виолетта, держа в руках тонкий, но емкий ридер. – Вдруг пригодится для датировки или идентификации чиновников?

– Бери лучше полевой справочник по униформе и знакам различия русской армии XVIII века и краткий словарь устаревших слов и выражений, – посоветовала Кристина, заворачивая в мягкую, амортизирующую ткань набор стерильных зондов и скальпелей. – И выучи, как выглядит герб Российской империи при Екатерине Второй. И мундиры офицеров – разного цвета в разных полках. На всякий случай, чтобы отличить своего условного «начальника» от чужого и не попасть впросак, если придется говорить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.